

КСЕНИЯ КОРНИЛОВА

ВОСПАЛЕННЫЙ
МИР

18+

Ксения Корнилова
Воспаленный мир

«Автор»

2023

Корнилова К.

Воспаленный мир / К. Корнилова — «Автор», 2023

В далеком будущем, где «святые» соседствуют с бездушными «оболочками», никто не ожидал появления серийного маньяка, ворующего жителей города и... их души! Но Тайсона заботит не это - он вдруг начал путешествовать по телам чужаков, которым грозит опасность. Их нужно спасти! Но как, если они давно умерли? И как это связано с таинственным маньяком? Чтобы разобраться, Тайсону самому придется оказаться в гуще событий. Но сумеет ли он уберечь свою душу?..

© Корнилова К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ЧАСТЬ 1. Погружаясь в прошлое	5
Жертва 1. Ффффух, ффффух, ффффух	6
Жертва 2. Лучше любого оргазма	24
Жертва 3. Похитители душ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ксения Корнилова

Воспаленный мир

ЧАСТЬ 1. Погружаясь в прошлое

Жертва 1. Ффффух, ффффух, ффффух

Движения Джерома Баурти были отточены до мелочей: ступни легко и мягко, словно заигрывая, отталкивали испещренную засохшими корнями деревьев тропинку, а руки, слегка согнутые в локтях, рывками бросались то вперед, то назад. Немного натирали непривычно высоким задником новенькие кроссовки с еще более пружинистой подошвой, гарантирующей

здоровый позвоночник на ближайшие лет пятьдесят. По спине тек липкий пот, от чего черная майка неприятно липла к коже. Резкими толчками из горла вырывался воздух – “Ффф-фух, ффффух, ффффух”, – оставляя след легкого перегара, такой непривычный для лесной чащи почти в пятидесяти километрах от города. С его стороны казалось безумием ездить так далеко, рискуя нарваться на расплодившихся в этих местах волков, чувствовавших себя вольготно после того, как население планеты сократилось больше чем вдвое, а природа начала брать свое, отвоевывая километр за километром. Но встать на беговую дорожку или, как прочие жители мегаполиса, проводить утро в местном парке – смерти подобно.

Он не привык отказывать себе хоть в чем-нибудь.

За очередным поворотом деревья уступили место крутому обрыву, на дне которого, метрах в пяти-шести, бурлила горная река, сплавляя поломанные ветки и редкие трупы животных, случайно угодивших в полноводный поток.

Выскочив из-за деревьев, словно новорожденный младенец из чрева многодетной матери – такой же фиолетово-красный и липкий, – Джером остановился и, вдавливая ладони в колени, тяжело дышал.

Он думал о вчерашней ночи и о той девчонке в баре, не сводившей с него глаз. Ее чуть блестящее платье обтягивало молодую упругую грудь, не пряча возбужденно торчащие соски, и едва скрывало невесомые, почти незаметные трусики. Он мог поклясться, что на ней совсем нет белья, если бы сам, прямо у барной стойки, не запустил свои длинные упрямые пальцы ей под платье, пока целовал слишком обильно намазанные розовой помадой пухлые жадные губы. Она была не против отдаться ему прямо там, на глазах у накаченной алкоголем толпы, и Джером почти сдался под натиском накрывающего с головой желания, но вовремя остановился.

Хоть он и не привык отказывать себе хоть в чем-нибудь, но случайный секс не входил в число поступков, ради которых он допустил бы возможность подцепить какую-нибудь гадость. А учитывая место, куда затащил его коллега по работе, с вероятностью в девяносто процентов он рисковал заразиться чем-нибудь даже просто стоя рядом с ней.

Где-то за спиной хрустнула сухая ветка – так ломаются шейные позвонки дешевой проститутки, решившей во что бы то ни стало угодить клиенту и позволить ему впиться жадными пальцами в трепещущее горло за несколько мятых купюр.

Если бы Джером Баурти не думал о влажной, пахнущей сексом и текилой девчонке, он мог насторожиться. Мог обернуться и закричать: “Кто здесь?” в темные тени леса, как делают герои второсортных фильмов ужасов. Но вряд ли его могло это спасти.

Он удивился бы, увидев, кто, мягко ступая по извитой засохшими корнями деревьев тропинке, похожей на изрытые выступающими венами ноги старухи, приближался к нему из лесной чащи. Удивился похлеще, чем вчера, когда обнаружил невесомые, почти незаметные трусики на бедрах той девчонки у барной стойки. А ведь он мог поклясться, что на ней совсем нет белья.

Джером удивился бы, увидев в этой глуши любого, – еще ни разу за последние пять лет, что он каждое утро набегал здесь запланированные десять километров, ему не встретился никто, кроме шустрых полевых мышей и пары кроликов, сигающих в кусты задолго до того, как он успевал разглядеть их сквозь залитые потом глаза.

Пара мгновений, пара уверенных движений, и Джером Баурти лежал на краю обрыва и смотрел куда-то впереди себя. Он не мог пошевелиться, хоть и чувствовал абсолютно все: как холодные металлические щипцы, похожие на те, какими пользовались раньше для извлечения мертвых детей из утроб матерей, проникают в его горло, ломая зубы, раздирая пищевод. Как острое длинное лезвие разрезает изнутри мышцы и сухожилия, от чего кровь заливает желудок, толчками выходит через горло.

Казалось, что чуть-чуть – и он захлебнется в собственной крови. А еще казалось, что хуже уже быть не может, пока он не почувствовал жгучую адскую боль. До раздувающихся

в тщетной попытке надышаться ноздрей донесся запах горелой плоти – его плоти. Он хотел закричать, но не получалось – мешали металлические щипцы, царапающие горло.

Еще какое-то время он ощущал свое тело, его боль и агонию, а потом в глаза ударил яркий свет, и все пропало.

Он больше не чувствовал, как противно липнет майка к мокрой от пота спине, как внизу живота приятно тянет желание от воспоминаний о той девчонке в невесомых трусиках, как воздух с шумом вырывается из легких, проходит по трахее, спотыкается о поломанные зубы и растворяется в чистом лесном воздухе, пахнущем пожухлой листвой, мокрыми после дождя стволами деревьев и мхом, окутывающим камни и сломанные ветки.

Может, пройдет всего несколько лет, и его кости будут обглоданы волками и так же ласково укрыты этим мягким одеялом. И никто и никогда не найдет того, кого при жизни в несовершенной биологической оболочке звали Джером Баурти.

Просыпаться не хотелось, но слишком требовательные мягкие руки, настойчиво гладившие его нагое тело, не оставляли выбора. Тайсон О’Мелли перевернулся на другой бок и свалился с двухметровой кровати прямо на мирно спящую лохматую собаку.

– Черт, мать твою, – выругался он и, пошатываясь, побрел в ванную, не обращая внимание на разочарованное “Ты куда?”.

Кроме ослепительно белого кафеля, натертого заботливыми и высокооплачиваемыми служащими их жилого комплекса, ему нравилась огромная душевая кабина, оснащенная по последнему слову техники: упругие струи били со всех сторон, автоматически становясь то напористее, то ласковее, то горячее, то холоднее. Он понятия не имел, как они это делали, но словно читали мысли, скрытые даже от него самого.

Пять минут. Десять. Он нехотя толкнул стеклянную дверь и вышел из клубов пара. Прогноировав новенькое белоснежное полотенце, Тайсон облокотился о раковину и рассматривал себя в запотевшее зеркало.

Подтянутое худое тело – обычное дело для молодого человека его роста – блестело от воды. Мягкий свет выгодно подчеркивал сечение мышц и сглаживал неровные края шрамов, оставшихся после нескольких автомобильных аварий, в которые он умудрялся попадать с завидным постоянством. Предыдущая – смятый в лепешку о бетонный отбойник моста новенький кабриолет – чуть не стала его последней.

Тайсон протянул руку навстречу своему отражению и медленно провел ладонью по запотевшему зеркалу. Кроме нечеткого силуэта, стали видны карие, цвета прошлогодней листвы, чуть выпученные глаза, широкие черные брови, упрямые губы – верхняя чуть пухлее, от чего могло показаться, что он постоянно чем-то недоволен или просто капризничает.

Да он и не мог назвать себя сильно взрослым, учитывая, что только сегодня ему исполнилось девятнадцать, а по-настоящему взвешенных решений на его счету еще не было. Если не считать взвешенным тот внезапный порыв принять предложение и пойти стажером к известному на всю страну разработчику метавселенных. Он не собирался этим заниматься сам – зарабатывал, играя в компьютерные игры, и даже выигрывал международные турниры. Но погладить самолюбие и помелькать на фотографиях рядом со знаменитостью был не против.

Одно плохо – приходилось не только мотаться по бесконечным светским раутам, презентациям и деловым встречам, но и сидеть в офисе, наблюдая за работой мастера.

– Тайсон, – капризный голосок раздался одновременно со стуком в дверь.

– Чего тебе? – буркнул молодой человек, провел рукой по темным коротко стриженным волосам, сбивая не успевшие высохнуть капли воды, и вышел в комнату.

Они познакомились уже несколько дней назад, а он все никак не мог запомнить ее имя. То ли Катрина, то ли Илона. Он не утруждал себя именами людей, кого не видел рядом с собой не то что через несколько лет, но и через несколько дней.

Девушка красива. Молодое упругое тело, смуглая кожа без единого волоска и намека на целлюлит, большие, чуть обветренные и покрасневшие от поцелуев губы, опухшие после вчерашнего вина глаза с длинными белесыми ресницами и длинные прямые волосы стального оттенка, ласкающие самыми кончиками упругую задницу. Она стояла у дверей в ванную, изящно выгнув бедра и расправив плечи, совершенно не стесняясь своей наготы. Скорее – гордясь ей.

– Куда ты торопишься? Я думала... – промурлыкала девушка и качнула головой в сторону смятой постели.

Илона, точно!

– Илона, я...

– Софи, – обиженно надулась девушка и скрестила руки на груди, скорее прикрываясь, чем злясь.

– Софи, конечно. Мне пора.

Тайсон влез в бледно-синие джинсы и простую черную футболку, болтающуюся на плечах, подхватил потрепанные – не им, дизайнером – тряпичные мокасины и хлопнул дверью.

“Чертова кукла”.

Он не любил по утрам сбегать из собственного дома, но иногда лучше так, чем пытаться выпроводить очередную настойчивую пассию. Тем более что он знал отличное кафе, работающее круглосуточно, где можно сесть в глубокое кресло, заказать крепкий черный кофе и тарелку соленых крекеров – что может быть лучше, если еще не успел проснуться?

Но сегодня почему-то захотелось огромный стакан молочного коктейля с шоколадной крошкой и клубничным сиропом, хотя он никогда его раньше не пробовал. Даже в детстве.

Нельзя сказать, что Тайсону О’Мелли не повезло с детством или родителями. Им всегда всего хватало – и общения, и денег, и времени, чтобы провести его всей семьей. Правда, не часто это приходило им в голову, просто потому что у каждого были свои увлечения и приоритеты. Мать бесконечно пропадала в горах, увлекшись пешими турами, куда водила всех желающих пощекотать себе нервишки в непролазных чащах, раскинувшихся прямо за городом, – природа брала свое, беспощадно и настойчиво. Иногда она не появлялась месяцами, и Тайсон, будучи совсем маленьким, забывал, как выглядит ее круглое, чуть полноватое лицо с пухлыми губами и красными звездочками на щеках, и как звучит ее голос. Отец же нашел себя в другом – он часами копался в гараже, пытаясь починить старый, больше века назад собранный и тогда же раздолбанный «форд мустанг» – синий, с белыми полосками по капоту и крыше. Эта машина стала для него всем.

Да, они редко виделись. И некому было сводить маленького, вытянувшегося только к одиннадцати годам, Тайсона в кафе-мороженое. Но его это не печалило. Все его время занимала виртуальная реальность.

В холле никого. Тут и там топорщились листьями цветы в высоких резных вазах, белые кожаные диваны пустовали, как и стойка администрации. Это не казалось странным, учитывая, что практически все вокруг стало настолько автоматизировано, что встретиться с кем-то было скорее чем-то удивительным, нежели привычным.

Стеклянные крутящиеся двери – он ненавидел их – сделали поворот и Тайсон оказался на улице. Солнце пряталось за набухшими дождем тучами, и влажность стояла такая, что казалось, вот-вот захлебнешься от висящих в воздухе капель.

Несколько зданий, переход через дорогу, небольшой сквер – он почти на месте. За всю дорогу ему попало всего пара человек, спешивших укрыться в подземке от дождя или опаз-

дывающих на ближайший поезд, которые курсировали по всему городу каждые десять минут, но и этого времени иногда казалось слишком много для тех, кто не привык ждать.

Все жители города передвигались под землей по хорошо отлаженной многоуровневой системе электричек, оставив улицы для неспешных прогулок, редких велосипедистов и детей на доисторических гироскутерах – настоящий раритет. Это безопасно, быстро и экологично.

Уже собираясь перейти дорогу, Тайсон почувствовал толчок в плечо, от удивления не смог удержать равновесие и упал, ободрав до крови кожу на ладонях. Зубы клацнули от удара подбородком об асфальт, и в глазах на секунду потемнело.

Он сел и помотал головой, словно собака, вылезшая из озера.

– Ты в порядке? – мутные глаза, подернутые пеленой, наблюдали за ним с высоты примерно двух метров. Даже Тайсон с его ростом мог только позавидовать мужчине лет пятидесяти, одетому в серый в клеточку костюм и белую рубашку. Мужчина нависал над ним, протягивая руку. Его велосипед валялся чуть в стороне и переднее колесо, задранное вверх, радостно крутилось, как пьяный подросток на карусели, еле сдерживающий подступающую рвоту. – Держи.

Натянутая на кости шершавая кожа противно царапала ладонь. Тайсон поднялся на ноги и тут же отдернул руку, поспешив вытереть ее о задний карман джинсов. Машинально.

– Я не заразный, – отреагировал мужчина, смерив молодого человека спокойным взглядом. Он оглянулся на затихший велосипед, и уголки губ дрогнули в попытке вымучить виноватую улыбку, но ничего не получилось. – Извини.

“Оболочка”, – мелькнула мысль, стоило только поднять взгляд и увидеть мутные белки и почти бесцветную радужку глаз.

“Оболочками” в народе называли тех, кто лишился души – небольшого сгустка энергии, расположенного прямо по центру груди в районе солнечного сплетения, – а счастливых ее обладателей, в шутку, “святыми”. Хотя вряд ли одно лишь наличие души может что-то сказать о святости.

Годам к тридцати абсолютное большинство становилось такими вот “оболочками”, но Тайсон знал и тех, кто уже в раннем детстве больше походил на безвольное растение, нежели на человека. Парочка таких ребят училась в его классе, и, вернувшись однажды с летних каникул, он лишился сразу двух хороших друзей. Не то чтобы с ними нельзя общаться. Просто интересы стали другие. Возможно, именно тогда виртуальные миры и захватили все его мысли – в них действовали хоть какие-то правила и законы, которые невозможно нарушить.

Тайсон машинально прикоснулся к центру груди и шумно вдохнул влажный воздух – пройдет чуть больше десяти лет, и его самого, возможно, ждет та же участь. Хотя это могло случиться хоть завтра, если вдруг ему в голову придет остепениться, создать семью и завести ребенка. Иметь детей в их мире можно, только вырастив их искусственно в специальных инкубаторах, пожертвовав свою душу – целиком или разделив эту ответственность пятьдесят на пятьдесят с партнером.

Пальцы задрожали, словно их пронизывал ток. Внутри похолодело, голова стала пустая – мысли попрятались в ожидании очередного приступа паники, которые раньше – в детстве – иногда накатывали на Тайсона, если только он начинал думать о будущем, о душах, о смерти...

Поняв, что не сводит взгляд с мужчины, Тайсон отвел глаза. Душу нельзя почувствовать физически, но по мутневшим со временем глазам сразу становилось понятно, когда тело функционировало само по себе, выполняя лишь короткий список действий, доведенных до автоматизма. Только на это хватало тех нескольких частиц энергии, остававшихся в теле, больше напоминающем биологическую субстанцию.

– Ничего, – буркнул Тайсон и опять подумал об огромном стакане молочного коктейля. Почему-то непременно с клубничным сиропом. – Сам в порядке?

– Нормально. Побегу, на работу опаздываю.

Мужчина подхватил велосипед и хотел уже забраться на узкое сиденье, когда заметил слетевшую цепь. Тайсон не стал дожидаться окончания разыгравшейся “трагедии” и поспешил через сквер в знакомое здание под бледно-синим навесом.

Любимое кресло оказалось свободно. Отсканировав QR-код, молодой человек сразу перемотал меню на молочные коктейли и увидел его. Безобразно калорийный и приторный даже на фотографии, коктейль из ванильного мороженого с красными прослойками сиропа и шоколадной крошкой из настоящего бельгийского шоколада выглядел устрашающе. Наверное, он частенько натывался на него здесь, но еще ни разу не заказывал.

Тайсон уже хотел ткнуть в кнопку “заказать”, когда в глаза бросилось название: “Малиновый восторг”.

– Черт... – От разочарования этот дурацкий коктейль захотелось еще больше. Нажав на вызов официанта, Тайсон развалился в кресле, вытянув длинные ноги с ободранными об асфальт коленками, и прикрыл глаза.

– Слушаю. – Мутные глаза, когда-то ярко-зеленого цвета, смотрели на него из-под нависших век. Он видел ее впервые. Слишком молодая для того, чтобы быть “оболочкой”, девушка не отличалась ни красотой лица, ни фигурой и осталась незамеченной, если бы не слишком вызывающий цвет волос, пестревший зелеными и голубыми прядями.

– Можно сделать такой, – Тайсон ткнул пальцем в молочно-малиновое безумие, – только с клубничным сиропом?

– Конечно.

– Тогда сделайте, пожалуйста. – Он подумал и добавил: – И кофе, черный, самую большую чашку. С тарелкой соленых крекеров.

– Хорошо. Что-нибудь еще? Завтрак?

– Нет.

Тайсон улыбнулся ей и опять закрыл глаза, давая понять, что разговор закончен. Девушка постояла рядом еще пару секунд и ушла, почти неслышно шаркая белыми кроссовками по вытертому деревянному полу.

Еще через несколько минут перед ним на столе стоял высоченный стакан с красными подтеками, щедро посыпанный шоколадом. Даже большая кружка кофе не меньше пол литра в объеме терялась на его фоне.

Подцепив двумя пальцами трубочку, Тайсон засунул ее в рот, медленно втянул в себя густую холодную смесь молока, мороженого и приторно сладкого сиропа и зажмурился, провалившись в темноту.

Перед глазами вспышками начали мелькать образы: он видел мощенную камнем узкую улочку и столики прямо на тротуаре под зелеными зонтиками. Перед ним точно такой же стакан молочного коктейля с клубничным сиропом и полосатой съедобной трубочкой из хрустящей вафли. Он чувствовал сладость сиропа, косточки клубники, скрипевшие на зубах, и холод спускающейся по пищеводу молочной жижи. Его пальцы, непривычно маленькие и тоненькие, с украшенными блестками ногтями, липли к стакану, оставляя отпечатки на запотевших боках. Напротив сидел высокий мужчина, очень похожий на сегодняшнего незнакомца на велосипеде, только его макушку украшала густая черная шевелюра, державшаяся кудряшками за серую шляпу. Мужчина улыбался, от чего лицо его разрезало пополам темно-красными обветренными губами, и протягивал к нему руки, чтобы погладить по щеке. Ладони были теплые и влажные. Они чуть дрожали, когда прикасались к белому невесомому пуху на детских щеках.

– Вам плохо? – На плечо легла тяжелая рука.

Тайсон вздрогнул и открыл глаза. Он чувствовал, как его трясет —, руки ходили ходуном, и половина клубничного молочного коктейля уже залила снежно-белую скатерть. Рядом с ним стоял коренастый мужчина в явно дорогом костюме-тройке, выглядевший немного комично в

маленьких очках, надвинутых на самый кончик длинного узкого носа, словно вышедшего из-под рук хирурга-неумехи.

– Я... я в порядке. Спасибо. Потерял сознание от счастья, – пробормотал молодой человек, кивая на полупустой стакан с молочным коктейлем.

Он чувствовал себя так последний раз, когда на спор в детском лагере, куда его отправляли родители, чтобы ребенок “подышал свежим воздухом и пообщался с ребятами”, проплыл пару километров в открытой воде и только-только вылез на сушу. Его и тогда трясло так, что руки отказывались держать даже вилку. И пришлось на время забыть даже о любимых компьютерных играх, в которых он проводил девяносто процентов времени, наплевав на желание родителей вдохнуть в его легкие чуть больше свежего воздуха.

Мужчина со смешными очками на носу появился рядом с ним еще пару минут, а потом растворился за кадкой с живыми цветами. Недоеденный им завтрак из трех обжаренных с двух сторон яиц, нескольких видов колбасок и двух кусочков поджаренных тостов со сливочным маслом остался недоеденным.

Что это было? Он не помнит ни узкой улицы, ни теплых влажных ладоней, от прикосновения которых пробирал холодный пот. Он не знал наверняка, но что-то недоброе промелькнуло в улыбке, раскrojившей лицо надвое, и в глазах, пожирающих его детское лицо с таким выражением похоти, что хотелось кричать, звать на помощь, выплеснуть в ухмыляющуюся рожу молочный коктейль с клубничным сиропом в надежде, что тот разест эти глаза, словно серная кислота.

Тайсон не сомневался, что увидел себя ребенком. И не просто ребенком, а маленькой девочкой. Он не мог этого объяснить, но знал наверняка.

– Ты меня не слышишь? А я говорю, это было реально. Я... Короче, жопу в горсть и дуй ко мне. Нет, никого нет. Нет, не придет. Отстань, ок? Без тебя разберусь.

Тайсон кинул телефон в сторону дивана, промахнулся и поморщился: новый стеклянный столик подозрительно звякнул от удара. Подойдя к окну, тянувшемуся метров на десять по всей стене, он смотрел на панораму ночного города.

Он переехал сюда совсем недавно, всего около года назад, когда решил, наконец, уйти от родителей. Не то чтобы ему некомфортно с ними – они практически не пересекались в огромном загородном особняке, каждый занятый своим делом. Просто захотелось перемен, по-настоящему свое личное пространство, а еще – собаку.

“Кстати, где она?”. Оглянувшись назад, Тайсон окинул просторную, квадратов на сто, квартиру из одной единственной комнаты и небольшого помещения, отведенного под ванную. Собака, а точнее пес по кличке Ломоть, растянулся у кровати и подглядывал одним глазом за хозяином. Время близилось к вечерней прогулке, и совсем скоро за ним придет соседский пацан, взявший на себя эту обязанность за условные несколько купюр.

Тайсон щелкнул языком, засмеялся, увидев настороженные уши, и отвернулся обратно к окну. Пожалуй, впервые в жизни в голову пришла непрошенная мысль, что в эту самую секунду кто-то за теми светящимися или чернеющими окнами проживает самые страшные секунды своей жизни. Или самые счастливые.

Противно запищал компьютер – игра в самом разгаре. Надев снова очки дополненной реальности и натянув на руки специальные перчатки с датчиками движения, Тайсон провалился в тот мир, который был ему знаком. Мир секретных миссий, жарких полуголых красоток в набедренных повязках и бесконечных поисков очередной подсказки, ведущей к следующему уровню. Тут не было опутавшего мир искусственного интеллекта или новых технологий, поз-

воливших вырезать из еще живых тел искрящиеся сгустки энергии – души, – оставляя лишь безвольные оболочки, как и высотных зданий и подземных магистралей.

Звонок в дверь застал его за битвой с очередным злодеем – вожаком соседнего племени, накинувшегося на него за растление младшей дочери. Чертыхнувшись, Тайсон снял очки и поспешил открыть дверь.

Можно сколько угодно прятаться в виртуальной реальности, и до сих пор у него это отлично получалось, но как только он возвращался в реальный мир, перед глазами сразу вставало пожирающее его похотливым взглядом лицо. А что, если это вещие видения? Что если сейчас этот урод тискает бедную девочку, чьими глазами он смотрел на стекающие капли воды по запотевшему стакану с клубничным молочным коктейлем – смотрел куда угодно, лишь бы не видеть этот ухмыляющийся темно-красный рот.

Входная дверь открылась, и в квартиру ввалился его лучший друг. Колин был чуть старше и гораздо более приспособлен к жизни, учитывая то, что с ранних лет ему приходилось зарабатывать. Отец и мать – гребаные хиппи! – не хотели заморачиваться такими необязательными вещами как новая одежда или хорошая еда, а Колину хотелось всего самого лучшего. Хотелось не отставать от тех, с кем учился в одном классе.

– Че принес? – ухмыльнулся Тайсон, разглядывая бумажные пакеты. Они только вчера выпивали в баре и даже, кажется, с кем-то познакомились. И откуда взялась Илона? Или как ее там...

– Пиво. Тебе пиво можно? – шутливо нахмурился Колин.

– Мне, вообще-то, сегодня девятнадцать, – легонько ткнул друга в плечо кулаком Тайсон.

– О, совсем большой. А почему мы еще не празднуем? Я готов выпить и блевать где-нибудь в ближайшей подворотне. Если повезет – то после этого неплохо бы завалить одну из твоих многочисленных фанаток. Гребаный ты харизматичный мудака. И что они в тебе находят?

Тайсон рассмеялся, забрал пакеты и отнес на барную стойку. Он согласен с Колином – друг гораздо красивее по любым общепризнанным канонам: блондин с едва выщипанными волосами, взъерошенными с особой тщательностью так, чтобы казалось, что он только-только вылез из постели и с удовольствием готов туда вернуться. Голубые на пол лица глаза, черные закрученные ресницы, аккуратные брови, упрямый, уж слишком мужской подбородок и четко очерченные губы. Всю эту роскошь довершала выточенная в спортзале фигура – как вишенка на торте.

– Так что там у тебя случилось? – Колин открыл банку пива, схватил пульт от телевизора и включил огромный, на всю стену, экран. Замелькали программы, люди, дома, дороги. Тайсон не любил смотреть телевизор, предпочитая проводить свободное время в играх или с очередной не замороченной отношениями девчонкой.

Пересказ утренних событий в кафе за молочным коктейлем получился короткий, но эмоциональный.

– И? – отрыгнул Колин и жалобно посмотрел в сторону холодильника, куда перекочевали банки с пивом.

– И все. Что это за херня?

– Откуда я знаю? – вздохнул его друг и опять начал бесцельно переключать каналы.

– У тебя такое было? – не сдавался Тайсон.

– Неа. – Он оглянулся на друга и задумчиво прищурился. – Да забей ты. Нет?

– А если это все вправду? – подался вперед Тайсон. В его глазах светились огоньки азарта.

– А ты гребаный пророк, что ли? Не гони. Пошли в клуб. Там сегодня какая-то группа играет, девчонки сами вешаться будут. Кстати, вчерашняя мадам оставила тебе номер?

– Кто? – нахмурился Тайсон. Вечер почти стерся из его памяти.

– Конь в пальто. Пошли!

– Не хочу.

Идти и правда никуда не хотелось. Еще проснувшись, он думал о том, как провести день своего рождения – хотелось чего-то необычного и спонтанного. Поехать в лес на окраине города, куда совались только полоумные экстремалы вроде его матери, игнорируя опасность нападения животных, или забраться на крышу самого высотного здания и решиться встать на парашют, или поехать в аэропорт и наугад выбрать первый попавшийся рейс. А может – психануть, приехать в старый гараж отца, где до сих пор стоит старый «форд мустанг». Отец успел его собрать и починить. Но никогда не находил в себе достаточно смелости, чтобы сесть за руль своей мечты.

Но сейчас Тайсон не мог думать ни о чем другом, кроме как о маленькой девочке в лапах этого извращенца.

Это была загадка. Тайна. Какое-то гребаное волшебство. И разгадать его хотелось до дрожи в руках.

– Ну ты душный, Тай. Ладно, что ты предлагаешь?

– Ничего, – буркнул Тайсон. – Вали в свой клуб.

– Как хочешь. – Колин подскочил с дивана и почти выбежал из квартиры. Еще бы, кому захочется проводить вечер в компании ненормального, утверждающего, что видит вещие сны.

Или это не сон?

По запотевшему стакану с молочным коктейлем, щедро политым клубничным сиропом, стекала прозрачная капля воды. Спускаясь все ниже и ниже, она оставляла за собой прозрачный след, и в нем ярко-красный цвет казался неестественно насыщенным. Вафельную трубочку Тайсон принес из ближайшего магазина и теперь сидел, уставившись перед собой, не решаясь воткнуть ее в упругую белую жижу и сделать первый глоток.

Он не придумал ничего лучше, как заказать опять тот же самый коктейль и посмотреть, не появится ли перед глазами мерзкое до дрожи лицо, рассеченное обветренными губами цвета свежей крови.

Мороженое в коктейле таяло, разбавляя насыщенный красный.

Наконец Тайсон решился.

Перед глазами опять потемнело. Легкая тошнота защекотала желудок. Теперь он в комнате, плохо освещенной единственной лампочкой старомодного торшера, стоящего у дивана. На диване сидит тот самый мерзкий мужик с взлохмаченной головой и смотрит в неправдоподобно современную плазменную панель на дальней стене. Его тощие руки затянuty в выцветший спортивный костюм, а на ногах стоптанные домашние тапочки. Вот он обернулся и опять улыбнулся своей отвратительно улыбкой, растянув губы на половину лица. Тайсон чувствовал, как он сам – точнее не он, а девочка, в теле которой он, по всей видимости, сейчас находился – сжимается, стараясь казаться как можно меньше, и только сейчас обратил внимание на стискивающие подлокотники кресла побелевшие пальцы. Больше всего сейчас ему хотелось кричать, но он чувствовал, как губы растягиваются в ответной улыбке.

Зря. Мужчина на диване нахмурился, скосил взгляд на входную дверь, словно не мог решиться на что-то, боясь непрошенных гостей. Но вот он уже встал, подошел к двери и повернул простой замок. Перевел взгляд на плазменную панель и усмехнулся, прибавляя громкость. Еще. Еще... Даже если в этой комнате будут кого-то убивать, никто не услышит криков. А если и услышат – подумают, что идет один из старых боевиков.

Тайсон не мог пошевелиться. Он был всего лишь наблюдателем, словно подсматривал за ними в бинокль из дома на другом конце города – как он ни старался, а сделать ничего не мог.

Нет! Он может! Он может рассмотреть этого подонка и попробовать описать его полиции. Его найдут, и...

Девочка опустила глаза на расцарапанные колени, сжатые до боли. Она как будто прочитала мысли Тайсона и делала все, чтобы у него ничего не получилось. И теперь он не видел взлохмаченного мужика, только слышал шаги и скрип половиц. Взгляд взметнулся вверх и влево – на плазменную панель.

– Беги! Дура! – Тайсон оказался снова в кафе так внезапно, что не смог удержать рвущийся наружу крик.

Несколько удивленных лиц повернулись к нему. На паре из них, кроме удивления, читалось раздражение. Остальным было просто любопытно, что это происходит с этим странным молодым человеком, пьющим среди ночи молочный коктейль в полном одиночестве.

– Извините, – буркнул Тайсон и вздохнул – к нему уже спешила официантка.

– Вы меня звали, сэр? – в голосе читалась усталость.

– Да. Принесите мне кофе. Черный. Крепкий. И тарелку соленых крекеров, – машинально выпалил Тайсон и тут же передумал. – Хотя нет. Какое у вас блюдо дня?

Фонари отражались в воде, застрявшей в плену мощеной камнем дороги, делая ее невесомой, парящей в воздухе. Стены домов стремились друг к другу, словно давние враги в жела-

нии вступить в схватку или любовники, мечтающие слиться в томном движении тел. Кое-где прямо на ступеньках подъездов сидели чуть подвыпившие молодые и не очень люди и пытались надышаться наполненным озоном после грозы воздухом – опьяняющим похлеще забродившего вина.

Ее никто не остановил, хоть головы сидящих машинально оборачивались, смотря вслед бегущей по дороге девочке. Ее звали Карла. Совсем недавно ей исполнилось девять, и отчим водил ее в самое лучшее в городе кафе-мороженое. Она слопала целых две порции фирменного фисташкового, а потом, уже с трудом дыша, увидела огромный стакан молочного коктейля с кроваво-красным сиропом на соседнем столике. Мальчик, скорее всего, ее одноклассник, отпивал прохладную смесь из мороженого и молока, а потом гонял по стакану вафельную трубочку, подталкивая ее кончиком языка, и опять ловил губами, чтобы сделать очередной глоток.

– Артур, я тоже такой хочу.

У Карлы от природы были огромные глаза, доставшиеся ей от мамы. Темно-синие, с желтым отливом, их жалостливый взгляд безоговорочно срабатывал на любом взрослом, не говоря уже о мужчине, души не чаявшем в своей маленькой приемной дочурке.

– Ты же объелась, Карлитта. – Он засмеялся и поправил едва державшуюся на кучерявой шевелюре шляпу, надетую специально по поводу празднования дня рождения.

– Нет, нет, нет! – затараторила девочка и хотела что-то добавить в подтверждение своих слов, но не смогла ничего придумать и капризно надула губы.

– Хорошо, хорошо, – опять засмеялся отчим и махнул рукой, привлекая к себе внимание официантки, одетой в накрахмаленный белый фартук. – Можно нам порцию... Вот этого.

Через пять минут перед Карлой стоял стакан молочного коктейля с клубничным сиропом и полосатой съедобной трубочкой из хрустящей вафли. Присосавшись к трубочке, девочка почувствовала сладость сиропа, косточки клубники, скрипевшие на зубах, и холод спускающейся по пищеводу молочной жижи. Ее пальцы, маленькие и тоненькие, с украшенными блестящими ногтями, липли к стакану, оставляя отпечатки на запотевших боках.

Под ноги попался камень, носок черной поношенной туфли зацепился за его острый край, и Карла полетела вниз, хватая руками воздух в попытке остановить падение. Очень хотелось плакать. Поджав к груди разбитые коленки, девочка сидела прямо на мокрой мостовой, закусив губу, и пыталась стереть подтеки крови.

На взлохмаченную макушку с копной спутанных светлых волос упала капля дождя. Взглянув вверх, на затянутое тучами небо, Карла быстро-быстро заморгала – глаза заливало водой, в секунду обрушившейся на нее настоящим потоком.

Куда ей идти? Что делать? Домой она не вернется, но никакие другие родственники рядом не жили. Да и вряд ли она смогла бы их найти в огромном городе.

– Эй, девочка, ты потерялась? – Дверь ближайшего к ней подъезда открылась и оттуда высунулась всколоченная голова. – Иди сюда. Промокнешь, заболеешь.

Очень хотелось послушаться и спрятаться в спасительном коконе теплого подъезда, в это время года еще отапливаемого и достаточно сухого, чтобы согреться. Возможно, ее угостят домашним печеньем со стаканом теплого молока с медом. Найдут свободное место, где можно вытянуться под одеялом и задремать – всего на минуточку! А утром проснуться от запаха горячих блинчиков и еще спросонья забраться на высокий стул и хватать их, обжигаясь, испачканными сливочным маслом и малиновым вареньем пальцами.

Так всегда случалось, когда она, гуляя, попадала под дождь. Мама заворачивала ее в теплый плед и читала какую-нибудь книжку. Неважно, какую. Все равно Карла очень быстро засыпала, согревшись в теплых объятиях, окутанная тихим голосом.

Она и сейчас могла вернуться... Или не могла?

Подскочив на ноги, Карла бросилась бежать. Разбитые коленки болели, дождь хлестал по лицу, впитывался в волосы, торчащие из-под капюшона, и стекал по спине, затянутой в

тоненький плащ. Было холодно и страшно, зато теперь можно дать волю слезам – никто не заметит и не будет тыкать в нее пальцем: “Плакса!”. Еще пара метров, и узкая улочка сменилась широкой магистралью. Здесь уже не видно жилых домов – сплошь магазины, офисы и кафе. Она редко гуляла здесь. Мама не разрешала убегать так далеко, играя на улице, а вместе они всегда выбирали парк или уютный берег реки за городом.

Машины неслись как сумасшедшие. Одна, вторая, третья... Разбрызгивая стекающие по дороге струи воды, они казались диковинными монстрами, готовыми разорвать любого, кто встанет у них на пути. Стоя чуть поодаль, под навесом небольшого кафе, Карла всматривалась в пассажиров. Она любила ездить на машине, хоть такая возможность выпадала редко, только в те счастливые дни, когда Артур брал старый универсал у брата и возил их куда-нибудь развлекаться и отдохнуть. Можно забраться с ногами на заднее сидение, включить “печку” и таскать разноцветные жевательные конфеты – мама покупала огромную упаковку и ставила между передними сиденьями, чтобы все могли дотянуться. Иногда, когда родители были увлечены очередным взрослым разговором, Карле удавалось высвободиться из ремней безопасности и, перегнувшись через спинку, порыться в багажнике. Там можно найти обшарпанный кожаный мяч, зонт с кривой ручкой или пропахший старостью плед. Она была не против этого запаха и с удовольствием заворачивалась в него и тут же засыпала под мерный стук колес. А очнувшись, обнаруживала, что они уже приехали на берег реки и мама разбирает плетеные корзины с едой, заранее наготовленной ею специально по случаю выезда. Луковый заливной пирог, картофельный салат, куски обмазанной медом и запеченной ветчины, рыхлые апельсиновые кексы и свежесваренный морс. Не нужны никакие лучшие рестораны мира, чтобы почувствовать себя по настоящему счастливым.

Одна из машин остановилась, включив оранжевые мигающие огни. Ее начали обгонять, сигнали и ругаясь вслед, но водитель не спешил ни уезжать, ни покидать салон. Наконец пассажирская передняя дверь открылась и к Карле под навес поспешила молодая, чуть моложе мамочки, женщина, кутаясь в длинный темно-синий плащ, поблескивающий от воды.

– Девочка, ты чья? – Она стояла чуть поодаль, едва решившись шагнуть под навес, боясь напугать ребенка.

Карла гордо выставила подбородок вперед и демонстративно отвернулась, моля лишь о том, лишь бы ее показная храбрость сработала, и женщина убралась восвояси.

– Не бойся. Я не обижу. Ты же совсем замерзла и промокла. Давай мы отвезем тебя к маме?

К глазам подступили слезы. Ей до жути хотелось вернуться домой, но было так стыдно за свое поведение... Да и мама наругает за то, что дочка убежала на ночь глядя, даже не спросив.

Они все сидели в комнате, плохо освещенной единственной лампочкой старомодного торшера, стоящего у дивана. Отчим – Артур – устроился на диване и смотрел в плазменную панель на дальней стене, транслирующей очередной обожаемый им боевик. В комнату зашла мама, встала за спиной у занявшей свое любимое кресло дочки и начала целовать ее макушку и шею, от чего хотелось смеяться.

Артур обернулся и с улыбкой обожания посмотрел на свою молодую жену. Внутри у Карлы все сжалось. Стискивающие подлокотники кресла пальцы побелели.

Ей не нравилось, когда отчим требовал к себе внимания. Не нравилось, что мама – ее мама! – отстраняла дочь, чтобы сесть рядом с ним и противно хихикать, когда он приобнимал ее и начинал щекотать.

Ей захотелось крикнуть: “Отстань от нее! Моя мамочка! Моя!”. Но маме это не понравится, и Карла чувствовала, как губы растягиваются в улыбке.

– Милый, ты закрыл дверь? – Мама все еще стояла за спиной, скрестив руки на груди у дочки. Ее длинные светлые волосы спускались ей на макушку и щекотали. – Сделай погромче. А ты, Карла, иди к себе.

“Иди к себе” и “Сделай погромче” – Карла хоть и была маленькая, но уже все понимала. В ее классе много болтали о том, что происходит между мужчиной и женщиной, а однажды один мальчик принес и показал какой-то мерзкий журнал с мужчинами и женщинами, абсолютно голыми, запечатленными в таких позах, что сразу к горлу подступила тошнота и Карла убежала в туалет.

“Иди к себе”. Карла не пошла к себе. Она выбежала из дома, успев лишь накинуть тоненький плащ. Ей было неважно, куда идти, лишь бы подальше от них двоих. Она чувствовала, что мама ее предала, что ее любви не может – никак не может! – хватить на них двоих, а значит, она сделала свой выбор.

“Иди к себе”. Но сейчас, стоя под навесом небольшого кафе у широкой магистрали, Карла отдала бы все на свете за возможность вернуться назад и притвориться, что всего этого не было. Если повезет, мама и не узнает, что дочка куда-то убегала, – если они оставались с отчимом наедине, то выходили из комнаты еще очень нескоро, а значит, есть шанс...

Карла посмотрела в сторону узкой улочки. Дождь лил стеной, холодный и противный как слизень – она ловила таких у речки. Вот бы он закончился – тогда ей нужно всего несколько минут, чтобы добраться до дома. Она уверена, что знает дорогу и легко найдет знакомое крыльцо. Не так уж далеко ей удалось убежать...

– Ну? – улыбнулась женщина и поежилась, сильнее запахивая плащ. – Пошли. Покажешь, куда тебя отвезти. На машине быстрее. И не промокнешь.

Последний взгляд на знакомую узкую улочку, и девочка, коротко кивнув, протянула ладонь вперед. Ледяные пальцы незнакомки дрожали, стискивая руку почти до боли. Уже забираясь в натопленный салон машины, Карла вдруг вспомнила, что мама просила никогда-никогда не доверять чужим людям. Но разве может обмануть это приятное, чуть замерзшее и, конечно, именно поэтому скорченное лицо молодой женщины?

Чуть моложе мамочки.

Она задремала в натопленном салоне, свернувшись калачиком на заднем сидении, убаюканная бормотанием шин по мокрому асфальту и тихой музыкой, доносившейся, чуть похрипывая, из динамиков. Ее голова лежала на коленях незнакомки, и мокрые волосы пропитывали дождем тугие синие джинсы. Вздрыгнув во сне, Карла сжала ладонки и засунула их между коленок, пытаясь согреться.

Дождь барабанил в лобовое стекло. Они давно уже должны приехать. Неужели она отключилась только на минутку?

– Ой, а куда мы едем? – Карла приподняла голову и выглянула в окно. По обе стороны дороги высились темные деревья, блестя в свете фар мокрыми стволами.

– Домой, дорогая, – улыбнулась женщина и погладила ее по голове. Мужчина за рулем, никак не выдававший себя до этого момента, то ли закашлялся, то ли рассмеялся.

– Но мы так не проедем... – пропищала девочка и тут же почувствовала холодную ладонь на губах.

– Тихо, – вышло слишком грубо. Поняв это, незнакомка откашлялась и уже более ласково прошептала: – Тихо, дорогая, мы просто поехали в объезд. Там не получилось развернуться.

Она была маленькой, но никак не дурой. Чтобы выехать из города и попасть в лес, требуется, по меньшей мере, минут сорок. Сколько же она спала?!

– Тетенька, я домой хочу, – захныкала Карла. Дыхание сбивалось. Она хватала ртом воздух, стараясь надышаться им в последний раз.

– Всё! – опять сорвалась незнакомка. Холодная ладонь сжала лицо, закрывая рот.

– Да пусть болтает, – усмехнулся мужчина на водительском сидении.

– Вот ты с ней и сиди! А я поведу! – истерично завопила женщина.

Он промолчал. Серые, почти бесцветные глаза вглядывались в ночную дорогу, залитую водой. Они проехали еще минут двадцать или тридцать и свернули на почти незаметную про-

селочную дорогу. Дождь прекратился, но с деревьев падали громадные капли, размером с разноцветные жевательные конфетки, которые мамочка всегда покупала, когда они выезжали за город.

Маленькая Карла не понимала, что происходит. Ни когда ее тащили из машины, игнорируя неистовые крики, ни когда незнакомка оставила ее наедине со своим спутником и забралась обратно в салон, включив музыку на полную громкость. Так всегда делал Артур, если они с мамочкой хотели остаться наедине и заняться своими взрослыми, мерзкими до тошноты вещами. Перед глазами вдруг всплыла та фотография из журнала, который притащил в школу один из мальчишек, и девочку вырвало прямо на ботинки мужчины, пытающегося повалить ее на мокрую траву, перемешанную со скользкими опавшими листьями. Он выругался и ударил ее наотмашь по лицу так, что, пролетев пару метров, Карла ударилась головой о ствол дерева и затихла.

Сначала была темнота. Немного придя в себя, девочка почувствовала дикий мороз, щеко-тавший ее изнутри и снаружи, и решила, что сидит в кафе-мороженом и пьет ледяной молочный коктейль. Он обволакивал рот, сводил пищевод, падал в сжимающийся от холода желудок. И этот холод распространялся по всему телу: сначала заледенела грудь, потом плечи, шея, лицо. Ледяной поток спустился к животу, дальше вниз... И вдруг взорвался огнем нестерпимой боли.

Карла опять провалилась в темноту.

Она не слышала, как взревел двигатель, и музыка, все еще долбившая в динамики, начала затихать по мере того, как машина выворачивала снова на проселочную дорогу и на полной скорости неслась к магистрали.

Сразу две новости ошеломили Тайсона, еще не пришедшего в себя после бессонной ночи. Он вернулся из кафе в пять утра, абсолютно трезвый, накаченный таким количеством молочного коктейля с клубничным сиропом, что при одной мысли о нем желудок скручивали рвотные позывы. Он пытался увидеть еще хоть что-нибудь. Любую мелочь, которая могла подтолкнуть его к поискам загадочного мужчины и совсем маленькой девочки с ногтями, украшенными блестками. Но тщетно. Перед глазами то всплывали огни мчащихся по магистрали машин, то мелькали мокрые от дождя деревья. На секунду или две он увидел размытые лица показавшейся миловидной женщины и чуть более взрослого мужчины. Но разглядеть их черты он не смог, как ни пытался.

А около одиннадцати к нему в квартиру завалился Колин.

Он болтал сначала что-то о цыпочках, разогретых выступлением музыкальной группы в ночном клубе и буквально вешающихся на шею любого свободного парня. На счастье, их оказалось немного – большая часть пришли со своими половинками и теперь с завистью смотрели, как Колин и еще парочка холостых везунчиков зажимали в углах и мяли задницы разгоряченных и подвыпивших девах.

Потом мысли Колина переметнулись на его бывшую, но на этой части бурного потока букв, едва складывающихся в слова, Тайсон отключился, сосредоточившись только на том, как сварить большую кружку черного очень сладкого кофе.

Он пришел в себя, только услышав краем уха слово “убийство”, резанувшее воспаленный мозг. А что, если маленькую девочку с блестками на ногтях уже показали по местным новостям? Изрезанную этим психом.

Неужели он опоздал?..

– Что ты сказал? – нахмурился Тайсон, забираясь на высокий стул и подпирая голову руками. Она звенела так, что, казалось, вот-вот скатится с позвоночника и разобьется вдребезги, если ее не удерживать на безопасном от барной стойки расстоянии.

– Ты про что? – усмехнулся Колин. – Про убийство или похищение?

– А что, было еще и похищение? – поморщился Тайсон.

– Ну ты чудик. Колись, где был ночью? Опять приходила эта твоя... – молодой человек поморщился. Он почему-то терпеть не мог новую пассию друга.

– Никто не приходил, – начал закипать Тайсон. – Рассказывай.

Колин выдержал демонстративную паузу, запив ее бутылкой светлого пива, принесенного им же еще вчера, и начал рассказывать, обильно жестикулируя в такт словам. Смысл доходил с трудом, но Тайсон упрямо кивал, про себя думая, что потом сам разберется, если будет необходимость. В конце концов, интернет в их время проведен в каждый дом, и стать изолированным от внешнего мира можно только по сумасшедшему желанию.

Из рассказа Колина он понял главное: впервые за последние несколько лет в их городе произошло непредвиденное. Пропал мужчина, Джером Баурти, руководитель достаточно мелкого подразделения компании, торгующей то ли надувными матрасами, то ли грилями для барбекю. Его исчезновение осталось бы незамеченным, учитывая, что жил он совсем один и не имел ни жены, ни оставшихся в живых родителей, а с друзьями и коллегами виделся крайне редко, предпочитая проводить время где-то за городом. Он уже несколько раз пропадал, просто не выходил на работу и объявлялся на следующий день с рассказами то о походе куда-то далеко в горы, то о речной рыбалке, то о сплавлении на каяках по горным порогам. Начальник только пожимал плечами – Джером работал хорошо и вполне мог себе позволить пропустить день или два в месяц, тем более что он потом отработывал их на выходных, причем по собственной воле – любил свою работу.

Сейчас же пропажа насторожила заместителя мистера Баурти. Они вместе целый месяц потратили на презентацию по новому проекту, обещающему значительное увеличение выручки, и сегодня с самого утра, когда шеф не появился на работе, некто по имени Марк Спенсор не раздумывая побежал в полицию.

Фотография Джерома появилась на панелях, развешанных по всему городу, и в каждой телевизионной передаче.

– Жесть, – вздохнул Тайсон. – И что, не нашли?

– Неа. Прикинь? Отправили вертолёты и группу спасения в лес километрах в пяти от города. Прочесывают все... Но вряд ли что-то найдут.

– Вряд ли, – задумчиво повторил Тайсон. – А с убийством-то что?

– А ты думаешь, он жив? Я лично считаю, что его убили. А еще! Короче, я когда услышал про это похищение и то, что оно типа первое за много лет, полез в сеть поискать, правда или нет. Ну и, короче, наткнулся на объявление о пропаже девочки. Вот, смотри.

Колин что-то быстро набрал на телефон и сунул его экраном прямо под нос ничего не понимающему Тайсону.

Фотография. На ней маленькая девочка с белокурыми волосами. Локоны заправлены за оттопыренные уши, делая их еще больше, а лицо девочки – еще милее. На вид ей лет восемь или десять – Тайсон плохо разбирался в детях – и она явно счастлива, так как улыбалась во весь рот, обнажая внушительную дыру в череде мелких квадратных зубов. Но не девочка привлекла его взгляд, а огромный стакан молочного коктейля с клубничным сиропом и полосатой съедобной трубочкой из хрустящей вафли. Пальчики девчонки, маленькие и тоненькие, с украшенными блестками ногтями, липли к стакану, оставляя отпечатки на запотевших боках. И от одного взгляда на это он снова чувствовал сладость сиропа, косточки клубники, скрипевшие на зубах, и холод спускающейся по пищеводу молочной жижи.

– Кто это? – прохрипел Тайсон и закашлялся. Сделал большой глоток успевшего остыть кофе и наконец сумел оторвать взгляд от фотографии и посмотреть на сидящего напротив друга.

– Ее звали Карла. Она пропала много лет назад.

– И... Ее нашли?

Колин замялся, нахмурился и уставился в телефон, словно увидел там что-то важное.

– Ну? – поторопил его Тайсон.

Неужели он опоздал?.. На много-много лет.

Жертва 2. Лучше любого оргазма

Бизнес-район остался позади. Новомодные зеркальные высотки с черными окнами в пол сменились низкими старыми зданиями из прошлого. Здесь, в отличие от прибежища брокеров и торговцев новыми технологиями, улицы смешивали воспоминания, полуразрушенный

камень и мусор, норовивший покрыть тротуары и проезжую часть, невзирая на довольно строгие правила и меры наказания.

Завернув за угол выцветшего кирпичного отеля, отстроенного с претензией на стиль европейских улочек начала двадцать первого века, Соня Макарова задержалась на секунду, боясь обернуться, и шагнула в темную подворотню. Хорошо знакомая обшарпанная железная дверь с мигающим кроваво-красным огоньком видеокамеры оказалась закрыта. Нажав на видный только постоянным посетителям звонок, девушка уставилась в черный, чуть поблескивающий объектив и постаралась улыбнуться.

Клацнул замок. Потянув на себя на удивление легкую дверь, Соня скользнула в темный коридор, освещенный трубками неоновых ярко-фиолетовых ламп, протянутых по всему периметру у самого пола. Несколько поворотов – и вот она, лестница.

Ступеньки убегали в темноту, казавшуюся непроглядной после неоновых светов коридора. Отсюда, сверху, могло показаться, что там ничего нет, кроме груды старого хлама или мертвых тощих крыс, подошедших от голода.

Подобрав длинный подол темно-зеленого шелкового платья, Соня аккуратно начала спускаться, боясь зацепиться шпильками за выступ. Непослушные пряди спадали на глаза и мешали смотреть под ноги, хотя вряд ли что-то можно разглядеть в этой темноте.

Внизу ее уже ждали. Высокий молодой мужчина с непроницаемым выражением лица и застывшей улыбкой, одетый в белый, сидевший как влитой, костюм, просканировал QR-код на экране телефона госты и приветливо провел рукой в направлении еще одного длинного коридора.

Сложно было решиться сделать первый шаг, но как только Соня перешагнула через белую линию, в такт ее движению начали загораться неоновые фиолетовые лампы, размещенные точно так же по самому низу стен. В какой-то момент девушка даже пожалела, что оставила висеть на вешалке в шкафу совершенно новое, сидящее точно по фигуре белое платье с длинным, на всю левую ногу, разрезом – оно как нельзя лучше гармонировало бы с освещением. Хотя долго ли она будет так одета?

Нервно хихикнув, Соня прокашлялась, стараясь придать лицу выражение некой серьезности, подобающей подобному заведению. Это был самый дорогой в их городе элитный клуб, куда попасть можно только по знакомству и личной рекомендации одного из членов. Решения рассматривались больше года, кандидаты тщательно проверялись и отбирались, и, если, не дай Бог, попытка проваливалась, рекомендуемый вылетал из клуба без возможности вступить в него снова.

Соня попала сюда год назад по протекции бывшего мужа, решившего сделать ей подарок по случаю счастливого расставания, и это, скорее, с ее стороны было простым любопытством, нежели настоящим желанием изведать запрещенные удовольствия без страха оказаться пойманной или осужденной пусть даже взглядами соседей. Принадлежать к высшему свету города оказалось для нее больше мучением, чем привилегией, но и отказываться от этого глупо.

Пройдя еще пару сотен метров, Соня наконец оказалась у простой, сливающейся со стенами двери. Узнать, что она тут есть, мог только наметанный взгляд члена клуба. Еще шаг – и девушка оказалась в просторном холле, декорированном лучше самого роскошного отеля: мраморные стены, высокие потолки, черные зеркальные стекла, призванные заменить несуществующие окна, увешанные картинами и фотографиями в тяжелых рамах стены, отбрасывающий блики огня камин, светящаяся желтым светом барная стойка, мебель из темного дерева и бархатные темно-зеленые диваны. Точь-в-точь цвета ее платья.

“Черт”, – усмехнулась про себя Соня и еще раз пожалела, что не надела новое белое платье. Она и забыла про эти диваны и сейчас смотрелась скорее как часть интерьера, чем желанная гостья.

– Мадам Виолетта, рад видеть вас снова, – терпкий, словно молодое вино, голос заставил Соню вздрогнуть. Она не сразу поняла, что обращались к ней – настоящие имена тут под запретом.

Молодой человек в точно таком же белом костюме вышел из-за стойки администратора и учтиво склонил голову.

– Желаете выпить?

От одного взгляда на череду бутылок за барной стойкой у Сони пересохло в горле. Да, она не отказалась бы выпить. Никогда не отказывалась.

– Да, не откажусь.

– Мартини? Чистый?

– Да, – улыбнулась было девушка – он хорошо делал свою работу, раз помнил ее предпочтения, – но сегодня хотелось чего-нибудь новенького. – Хотя нет, я лучше выпью вина.

– Вам принести в номер? Или желаете посидеть здесь? – И, заметив ее обеспокоенный взгляд на часы, добавил: – Не волнуйтесь, вас готовы подождать.

– Нет, нет, – снова улыбнулась Соня. – Я хочу остаться ненадолго одна. В номере.

– Как пожелаете. Если угодно, могу вызвать вам одну из наших массажисток – они прекрасно снимают напряжение дня.

Она не напряжена, не боялась. Ее душило приятное волнение, какое Соня испытывала только при мыслях о том, что происходило здесь раньше и снова случится сегодня.

– Да, хорошо.

Не сказав больше ни слова, девушка развернулась и, отведя плечи назад, прошла через холл, мимо камина и дурацких зеленых диванов – прочь отсюда.

Ее номер пятый справа. Никто и никогда не смел сюда заходить без ее ведома, кроме уборщиц и обслуживающего персонала. Да никто и не смог бы – чтобы попасть сюда, сканировалась сетчатка ее карих, почти желтых, глаз.

Отделанный в те же цвета – черный, зеленый и желтый, – что и главный холл, номер представлял собой трехкомнатное помещение с огромной гостиной, роскошной спальней и еще одной комнатой за зеленой дверью, где и происходило то самое, зачем они сюда спускались.

Дождавшись официанта с бутылкой, бокалами и сырной тарелкой, девушка закрыла дверь, бросила в кресло сумочку, налила себе вина и, застонав, опустилась на диван. Скоро придет массажистка, а потом...

Массаж действительно расслабил. Умелые руки слепой женщины лет пятидесяти творили настоящие чудеса. Переодевшись в простой трикотажный костюм из майки и шорт, Соня смыла краску с лица и, стараясь не выдать волнение, зашла за зеленую дверь.

Черные стены, узкие зеркала от пола до потолка, два почти одинаковых кресла с ремнями для рук и ног. Ее уже ждали.

В одном из кресел полусидел, полулежал парень лет двадцати. Он был опутан проводами и явно без сознания, так как не отреагировал на легкий стук двери и ее шумный вздох. По обе стороны от него рядом с многочисленными мониторами стояли молодые мужчины, одетые в белые костюмы. Один взял в руки странный предмет, напоминающий эндоскоп, а другой, улыбнувшись, жестом пригласил ее сесть во второе кресло.

Кожанные ремни стянули руки и ноги, опоясали талию, накрепко привязав девушку к креслу. Захотелось сделать еще один большой вдох, но не получалось – грудную клетку сдавило и расплющило волнением.

– Принести вам воды? – заботливо спросил стоящий рядом с ней молодой мужчина.

– Нет, все хорошо, – наконец почувствовав, что успокаивается, ответила Соня.

– Вы готовы? – второй мужчина улыбнулся.

– Д-да.

Она прикрыла глаза. Веки подрагивали, словно ей снился страшный сон. Для многих то, что происходило дальше, было еще одним способом развлечься, но она не хотела смотреть, как лежащему рядом с ней парню вставляют в горло тонкую трубку с камерой и лезвием на конце, и он начинает биться в конвульсиях, а потом замирает. Не хотела и чувствовать, как прижигается разрезанная плоть, но от запахов никуда не денешься.

Раздался едва слышный глухой звук – теперь можно открыть глаза.

Соня забыла, как дышать. Прямо у лица светился клубок размером с грецкий орех, сотканный из тысяч живых светящихся белых и золотых нитей. Завороженная, она не могла отвести от него взгляд, но, почувствовав мягкое прикосновение к плечу, улыбнулась и приоткрыла пересохшие от волнения губы.

Ее трясло. Проходя по пищеводу, клубок застыл где-то в районе солнечного сплетения и начал выжигать себе дорогу, проникая сквозь ткани тела, соединяясь с ее душой, переплетаясь в одну, еще более мощную, силу.

Если бы ее спросили, на что это похоже, Соня не смогла бы подобрать слов. Это лучше любого оргазма, лучше прыжка с высоты, лучше всего, что придумала природа и на что способны их тела. Она вся дрожала, руки и ноги выворачивались во все стороны, и, если бы не предусмотрительно затянутые потуже ремни, несколькими переломами не обошлось бы. Но боли девушка не чувствовала. Напротив, все тело содрогалось от ни с чем не сравнимого удовольствия.

Прошло минут тридцать, а ей показалось – доля секунды. Придя в себя и открыв глаза, Соня застонала, жалея только о том, что это не может длиться вечно.

И поднимаясь по лестнице, чуть покачиваясь на высоких каблуках, словно перебрала спиртного, она могла думать только о следующей встрече. Через месяц, не раньше – устроители элитного клуба не хотели превращать своих гостей в наркоманов, поэтому строго следили за тем, чтобы те могли продолжать обычную жизнь, лишь изредка позволяя себе маленькие шалости.

На улице оказалось прохладно. Поежившись и пожалев, что не взяла из машины, припаркованной у офиса, накидку, Соня заторопилась к светящейся огнями улице, прочь из подворотни, когда услышала, а скорее почувствовала, чье-то дыхание. Надо постучать в дверь с кроваво-красным глазом видеокамеры или броситься бежать, но девушка чувствовала себя в полной безопасности, а тело ее так расслабилось, что на правильные мысли не осталось ни единого шанса.

В следующую секунду Соня почувствовала толчок в спину, удар головой об асфальт и боль в районе плеча, куда воткнулась острая игла. А дальше она мало что понимала и чувствовала – все размыто, словно она смотрела через мутное лобовое стекло, заляпанное грязью. Вот кто-то переворачивает ее на спину. Она видит только силуэт в темной кофте с капюшоном на голове. Потом ей открывают рот – Соня не сопротивляется, потому что нет сил. Хочется спать.

Она видела металлические блестящие щипцы, ощущала их холод на губах, на языке, на стенках пищевода. Они царапали и впивались в плоть, от чего тело пронзала притупленная вколотым ей в плечо лекарством боль. А потом хлынула кровь, заполняя желудок, поднимаясь по пищеводу, оседая сладким вкусом на языке. Вспыхнул яркий свет, и все пропало.

Не было ни боли, ни страха.

Глаза слипались. Прошло уже три дня с той ночи, когда Тайсон О'Мелли обедался молочным коктейлем с клубничным сиропом, а выспаться так и не получалось. Как тут можно спать, если в голове вертится образ маленькой девочки с блестками на обрезанных почти под корень ногтях. Кто ее увез? Почему? В том, что ее не нашли, тоже свербила какая-то загадка,

хотя все указывало на то, что преступники отвезли малышку в ближайший лес и... Просто бросили? Или сотворили нечто более ужасное, от чего даже у него, прежде относящегося с весомой долей равнодушия к подобным историям, шевелились волосы на затылке.

Наверное, ему не все равно, потому что он каким-то чудесным образом на короткое время смог смотреть на мир ее глазами и видел лохматого мужчину, оказавшегося ее отчимом. Видел гостиную, где они смотрели телевизор. И даже те мелькающие в залитом дождем окне деревья, за которыми навсегда осталось лежать бездыханное тело маленькой Карлы.

На часах восемь утра. Он ни за что бы не проснулся так рано, если не важная презентация по новой модели метавселенной, которую они с его непосредственным начальником разрабатывали всю неделю. Если проект одобрят – его могут назначить младшим сотрудником и платить неплохие деньги. Хоть отдохнет от поднадоевших игр, подождет, пока не выпустят что-то по-настоящему стоящее.

– Ломоть! – крикнул Тайсон, сел на кровати и начать тереть пальцами глаза с противным хлюпающим звуком. Он сам не считал его противным, а вот его последняя пассия – как ее звали? – была не в восторге и начинала колотить любовника хилыми кулачками в плечо.

Пес, обычно не гнушающийся возможностью залезть на кровать к хозяину, почему-то не появлялся. Посмотрев на часы, Тайсон вспомнил, что отдал его на пару дней соседскому парнишке, собирающемуся за город на какой-то собачий конкурс. Или как это правильно называется? Инициатива не его, но кто откажется на пару дней остаться в полном одиночестве.

Надев темно-синий костюм, чуть мешковато сидевший на его долговязой фигуре, Тайсон провел рукой по коротким темным волосам и спустился на лифте в метро – десять минут, и он уже будет в офисе на другом конце города.

На проходной никого. Снова кинув взгляд на часы, Тайсон понял, что приехал слишком рано, а значит, можно пойти в местную столовую и приготовить себе на станции самообслуживания маленькие, размером с половину его ладони, бельгийские вафли, полить их кленовым сиропом и взбитыми сливками. А еще – сварить в их новой крутой кофеварке капучино на фундучном молоке. Пушистой пены не получится, но ореховый вкус сглаживал этот недостаток.

Он доедал вторую порцию вафель, когда на стул напротив плюхнулся почти такой же высокий и гораздо более широкий мужчина в клетчатом фиолетово-оранжевом вельветовом пиджаке с заплатками на локтях, узких черных джинсах, вечно растянутых на заднице и коленках, и туфлях с заостренными носами. Если бы не манера одеваться, Магнус Роше – или просто Маг – ничем не выделялся бы из толпы, чего, очевидно, позволить себе не мог.

– Ну? Готов? – Маг схватил последнюю вафлю, оставив на столе длинный след из кленового сиропа и сливок.

Он был тем самым гениальным разработчиком метавселенных. За плечами Магнуса Роше накопилось больше пятидесяти проектов, но каждый раз, проходя этот круг с начала, он волновался как прыщавый студент-выпускник перед первым свиданием.

– Готов, – кивнул Тайсон и допил остывший кофе.

– А я нет. Пойдешь один?

Тайсон даже не думал возмутиться или испугаться – это повторялось каждый раз, когда они шли на презентацию, и относиться всерьез к тому, что Великий Маг – так его дразнили на работе – позволит хоть кому-то представлять его драгоценнейший проект, мог только глупец.

– Пойду, – опять кивнул Тайсон и начал составлять на поднос тарелку, кружку, столовые приборы, делая это нарочито медленно и размеренно, украдкой поглядывая на покрасневшее лицо начальника, готовое разорваться на тысячи ошметков окровавленной плоти. Даже его огненно-рыжая реденькая бородачка потерялась на фоне пылающей кожи.

– Ладно... – сквозь зубы процедил Магнус. – Ладно. Я пойду. Все хорошо. Все же хорошо?

– Маг, ты самый крутой в этой сфере, – вздохнув, начал заезженную песню Тайсон. Каждый раз одно и то же. – Даже если ты просто будешь стоять как изваяние и молчать – ты продашь что угодно и кому угодно. Потому что им стоит только взглянуть на степень детализации и все те элементы новой вселенной – и они твои с потрохами. А если нет – ты продашь ее кому-то еще. А если нет...

– Что значит, нет? – прищурился Магнус.

– Если нет – ты не обеднеешь. И мир не перевернется.

Тайсон вел себя нарочито нагло и по-хамски. Но иначе нельзя – только доведя ситуацию до абсурда можно поколебать стойкую уверенность начальника в полном провале проекта.

Часы показывали без десяти одиннадцать. Самое время собрать в кулак эту размазную, больше похожую на расплескавшийся суп-пюре, чем на Великого Мага, и подняться на тридцать шестой этаж, где их, скорее всего, уже ждут.

– Блин, меня не уважает даже какой-то щенок. Что говорить про тех, кто наверху? – пробурчал себе под нос Магнус.

– Бла-бла-бла. Пошли, нас ждут.

На тридцать шестом этаже пахло чем-то цитрусовым и деньгами. Кожаная мебель, отделанные мрамором стены, паркетные полы, высоченные, почти на два этажа, потолки – все здесь кричало о богатстве и уязвимом самолюбии самой верхушки их компании. За столом из красного дерева сидела молодая, лет двадцати трех, девушка. Белокурые короткие, чуть завитые на концах, волосы красиво уложены, макияж тщательно подобран и под случай, и под шикарный и явно дорогой светло-бежевый костюм. Она казалась идеальным представителем своей профессии и, очевидно, гордилась занимаемым местом.

– Добрый день, – голос мягкий, словно молодой неоперившийся, покрытый легким пухом птенец. – Мистер Роше, мистер О’Мелли, я пыталась дозвониться, но...

– Что случилось, любовь моя? – проворковал Магнус, почти заваливаясь на идеально чистую поверхность стола. – Не рада меня видеть?

Девушка нахмурилась и бросила взгляд на Тайсона, но тот стоял, отвернувшись, и разглядывал картину во всю стену. “Я тоже так могу, черно-белое фуфло...”

– Мистер Роучестер занят. Он пригласит вас чуть позже. Он... У нас кое-что случилось. И...

– Случилось? – с любопытством обернулся Тайсон.

– Да... Но я не имею права...

– Имеешь, любовь моя. Говори.

Девушка явно хотела кому-нибудь рассказать о том, что произошло, но не решалась. Она была слишком хороша на своей позиции и не явно не горела желанием потерять насиженное место.

– Мы вам сообщим о новом времени и месте встречи, – нотки металла звучали как ксилофон.

– Пошли, Тай, – разочарованно протянул Магнус, но как только они вышли обратно к лифтам, засмеялся во весь голос.

– Ты чего? – опешил Тайсон.

– Случилось у них – как же. Как будто я не знаю, что... Тоже мне, секреты...

– И что случилось?

– Пропала бывшая жена босса. Я слышал сплетни, когда шел к тебе в столовую.

– Жена?

– Ну да. Соня Роучестер. Правда, она сейчас взяла девичью фамилию. Кажется, Макарова. – Магнус нахмурился. – Да, точно. Соня Макарова.

– Не знаю такую, – пожал плечами Тайсон и нажал кнопку вызова лифта. – Едем в офис?

– Да ну его. Погнали в лазертаг?

Спустя три часа Тайсон и Магнус вывалились из большого здания на окраине города – самый лучший, хоть и не самый шикарный лазертаг в городе. Здесь нельзя встретить надуманных декораций, голограмм и фальшивых препятствий – организаторы устраивали бои прямо в настоящем полуразрушенном здании, что добавляло рафинированной жизни жителей города своеобразной перчинки.

– Так кто она, Соня? – откинувшись на мягкие кресла в небольшом кафе у дороги, спросил Тайсон.

– Еще пару лет назад была никто. Жена нашего с тобой босса, пигалица с невероятно красивой задницей. – Магнус продолжал шарить взглядом и короткими полными пальцами по планшету, выбирая себе обед.

Тайсон не выбирал – попросил блюдо дня и расслабился, предоставив другим возможность решить за него такой неважный, с его точки зрения, вопрос.

– И что потом? – поторопил он Магнуса.

– А потом, когда они развелись, она вдруг стала... Как это сказать... Гуру продаж. О! Жареная печень с луком и картофельными дольками. Как думаешь, вкусно?

Тайсон пожал плечами и ничего не ответил. Он вдруг вспомнил про парня... Кажется, его звали Джексон или Джером. Он пропал несколько дней назад и до сих пор не объявился.

– Возьму, – заулыбался Маг. – И молочный коктейль. Не хочешь? Шоколадный.

– Не хочу, – поморщился Тайсон. Уж чего-чего, а молочный коктейль он в жизни больше не выпьет. – Так что случилось?

– А?

– С Соней, – голос уже выдавал раздражение.

– А. Она пропала, но ее нашли ночью. Она... Кто-то забрал ее душу.

– Что? – прошептал Тайсон. Ему только-только принесли большую тарелку жаренных в чесноке на сливочном масле креветок с двумя кусками свежеспеченного хлеба. И он успел представить, как обмакивает пушистый мякиш в соус... Но теперь кусок в горло не лез. Знакомая с детства паника скребла внутренности своими острыми когтями, вот-вот грозясь снова взорваться, оставив внутри только пульсирующую пустоту.

– Да. Прикинь, звери?

– Что значит – забрал? Я думал, ее невозможно забрать. Как это?

– Ты че, с луны свалился? Все в этом теле, – Магнус взмахнул рукой у выпирающего живота. – Можно отрезать и забрать. Хоть и думать об этом не хочется.

– И кто это был? – не стал спорить Тайсон.

– Никто не знает. Преступник, умный сукин сын, поймал ее там, где висела всего одна камера. Но на нее попал только черный силуэт с капюшоном на голове. Это все, что я знаю.

Говорить не хотелось. Попробовав запихнуть в себя изворотливую при жизни креветку, Тайсон почувствовал приступ тошноты и отодвинул тарелку. Зато Магнус уплетал свой обед за обе щеки, запивая огромные куски печени, которые даже не удосуживался нормально прожевать, шоколадным молочным коктейлем.

Пес по кличке Ломоть вернулся домой с тщательно вычесанной шерстью и тремя медалями. Он, как обычно, радостно поприветствовал хозяина, а потом побежал к миске, всегда к этому времени полной его любимого сухого корма.

Миска оказалась пуста. Настоячиво гавкнув, он уставился в сторону дивана, на котором сидел хозяин, застыв в неестественной позе с прямой спиной и стеклянным взглядом, уставившись в стену напротив. Иногда его рука бросалась в сторону маленькой тонкой коробочки, и пальцы впивались в ее пластиковые бока. Но потом странная штукавина летела обратно в подушки. Эта забавная игра сопровождалась гавкающими звуками, вырывающимися из рта хозяина, но Ломоть не спешил присоединиться к ней – ему, как никому другому, было известно, что лучше какое-то время отсидеться в стороне.

Но есть хотелось просто нестерпимо. Вздохнув совсем по-человечески, Ломоть подошел к дивану, на котором разыгрывалась битва, и ткнулся мокрым носом в ногу хозяина. Тот вскрикнул от неожиданности и, наконец, обратил на него внимание.

И вот уже миска с кормом полна вкусных хрустящих шариков. Что еще нужно, чтобы считать свою жизнь удавшейся? Разве что забраться после еды на кровать, пока хозяин занят, и устроить там переполох.

Тайсон очнулся от навязчивых мыслей, стоя у собачьей миски с пакетом сухого корма в руках. Миска пуста, а пса и след простыл. Не сумев вспомнить, покормил он своего любимца, или тот убежал восвояси, так и не дождавшись законной вечерней порции, молодой человек насыпал полную миску корма и – вздохнув точно так же, как недавно Ломоть, – ушел обратно на диван.

У него из головы не выходила история Сони Макаровой. Сони Рочестер. Он нашел ее фотографии и замер, увидев по-настоящему красивую девушку, каких лично он встречал крайне редко. Карие, почти желтые глаза, русые волнистые волосы, чувственная улыбка, стройное тело с маленькой грудью и узкими бедрами – ему всегда нравились именно такие. Из взбалмошной девчонки, держащейся за своего бывшего мужа – лет на десять старше нее самой, – она превратилась в шикарную молодую женщину, предпочитающую, как и он сам, костюмы, слегка болтающиеся на узких хрупких плечах. На одном из многочисленных видео она сняла казавшийся слишком тяжелым для ее тела пиджак и осталась в легкой майке на тонких бретельках, так и норовивших сползти ниже по руке.

– Соня, – прошептал Тайсон и, услышав со стороны звук собственного голоса, разозлился. Что за наваждение?

Самые первые видео, записанные уже из больницы, где девушка приходила в чувство, он смотреть не хотел. Боялся. Боялся увидеть бесцветные глаза и потухший взгляд, какой бывает только у тех, кто лишился души. Закрыв крышку ноутбука, Тайсон подхватил пиджак и спустился в пустой холл. Оттуда – на улицу и в уже привычное кафе.

Но на полдороге передумал. Ему в глаза бросилась вывеска “Живая еда”, которую он никогда раньше не замечал.

По обе стороны узкого помещения тянулись полки со свежими фруктами, овощами, морозильные камеры с мороженым на основе натурального сока, стеллажи с коробками выпечки “без сахара, без глютена, без яиц”. Он никогда особо не увлекался здоровым питанием – предпочитал держать баланс и не переходить в крайности, в чем его доктор был с ним солидарен.

“Чрезмерный контроль за потреблением хуже килограмма сахара”.

Тайсон же не преследовал никаких других целей, кроме своего личного комфорта. Но сейчас почему-то жутко захотелось рассыпчатого печенья на амарантовой муке с вкраплениями мака и легким привкусом бергамота. Он не понимал, откуда в его голову могли прийти эти слова, – мог поклясться, что никогда прежде из его рта не вылетало ничего настолько мерзкого. И это учитывая его слабый на алкоголь желудок, который выворачивало от любой лишней капли спиртного.

Расплатившись у терминала самообслуживания, Тайсон вышел на улицу и встал прямо посередине тротуара, разглядывая простую картонную коробку. Судя по весу, печенье в ней немного, или оно – для пущей полезности – готовилось в основном из воздуха.

Коробка полетела в урну, блестящий целлофановый пакетик лопнул, и, оглянувшись по сторонам, молодой человек хотел уже запустить пальцы в раскрошившуюся массу, но вспомнил, что в кафе, когда он пробовал молочный коктейль с клубничным сиропом, он на несколько секунд терял связь с реальностью, и вряд ли было хорошей идеей пробовать что-то новое вот так, стоя посреди улицы.

Лавочки в скверике, где совсем недавно он столкнулся с одним из “оболочек”, пустовали. Присев на одну из них, Тайсон положил манящий и одновременно пугающий блестящий пакетик рядом с собой.

В прошлый раз он увидел маленькую Карлу. Видел, возможно, последние дни ее жизни. Чувствовал то, что чувствовала она. Что ему привидится сейчас?

Но жребий брошен. Запустив пальцы в пакет, Тайсон достал невесомое печенье и быстро, боясь передумать, засунул в рот.

Первое, что он почувствовал, оказался на удивление приятный вкус. Но уже через мгновение перед глазами потемнело.

Он ожидал увидеть молодую девушку, следящую за фигурой, или маленькую девочку, чья мама резко негативно относилась к сладкому. Кто еще мог есть слишком полезное печенье?

Но из маленького зеркала кухонного шкафа на него смотрела жирная отвратительная морда мужчины с пухлыми кроваво-красными щеками, испещренными прожилками вен, с маленькими, едва видными из-под нависших бровей, глазками и влажными губами, усыпанными крошками амарантового печенья.

Мужчина разглядывал себя в зеркало с явным удовольствием. Широко открывая рот, он кидал в черную бездну бесформенного тела крошащиеся шарики и начинал перемалывать их короткими зубками, больше подходящими ребенку.

Но вдруг он услышал какой-то звук. Тайсон не мог точно сказать, какой, – все смазано, словно ему вставили беруши для сна. Но мужчина явно переполошился, запихал блестящий пакет с остатками печенья в коробочку, убрал ее в шкаф и бросился к жалобно скрипнувшему под ним стулу.

– Эй, эй, – кто-то тряс его за плечо.

От неожиданности Тайсон замахал руками и почувствовал, как кулак ударяется о что-то твердое. Жуткая боль пронзила руку, на глазах выступили слезы. Над ним стояла женщина с мутными глазами и потирала подбородок. Кулак пришелся как раз ей в челюсть.

– Извините, – пробормотал Тайсон и уже собирался встать и уйти, но почувствовал такую усталость, что не смог двинуться с места.

– Тебе плохо? – спросила как ни в чем не бывало женщина. – Под наркотой, что ли?

– Что? Нет! – вяло засмеялся от этой нелепой мысли Тайсон. – Я... наверное, потерял сознание.

– Ты весь трясся. Больной, что ли? Так ты это... иди в больницу.

– Все хорошо, спасибо, – буркнул молодой человек, мечтая поскорее свалить отсюда.

– Как знаешь.

Женщина пожала плечами и ушла. Тайсон остался один на один с почти полным пакетом амарантового печенья.

– Может, тебе съездить в отпуск? Говорят, за городом построили новый отель. Деревянные домики, мясо на костре. А?

Колин сидел, забравшись с ногами на диван, жевал амарантовое печенье и морщился от отвращения, то и дело высовывая испачканный крошками язык, совсем как Ломоть, когда носится по двору.

– И что это даст? – вздохнул Тайсон, поглядывая на друга и размышляя о том, не съесть ли еще хотя бы одно печенье. Находиться в теле жирдяя противно. Груз лишних килограммов, молотящееся в груди сердце, боль в коленях и жгучая боль внутри. Но так он, может быть, узнает о нем немного больше и сможет найти хоть какую-то информацию.

А главное – возможно, это поможет ему понять, почему он вдруг начал видеть мир глазами незнакомцев.

От неопределенности и желания разгадать очередную загадку – словно выиграть виртуальный турнир – его подбрасывало. Кажется, впервые в жизни ему захотелось выйти на пробежку или подтянуться хоть пару раз на турниках, какие стояли на детских площадках, на которых маленький Тайсон и не бывал.

– Значит, ты был жирный.

– О, да. Жирный. Я находился в его теле пару секунд, а одышка мучает до сих пор, – усмехнулся Тайсон. – Как мне его найти?

– Зачем? – Колин уставился на него, застыв с занесенным у самого рта печеньем. Крошки сыпались на темно-синюю рубашку, скатывались на диванные подушки и пропадали в них навечно.

– Ну как... Тебе не интересно?

– Девочка-то понятно – ты думал, она жива и ей угрожает опасность. Но этот толстый хрен. Кому он сдался?

Надо признать, что в словах Колина есть определенный смысл. Тайсон не знал, что с ним происходит, но, скорее всего, странный мужик, поедающий диетическое амарантовое печенье, давно умер от закупорки сосудов или еще какой-нибудь болячки, свойственной изношенному лишним весом телу.

– Давай так, – хлопнул по коленкам Колин, отряхивая надоедливые крошки. – Ты сейчас при мне улетаешь в свою эту... страну Жирляндию. А потом мы решаем, что делать. Он же вроде был дома, совершенно безобидный. Ну и что, что толстый? Это ж не порок. Или ты боишься за какую-нибудь девчонку, которая вдруг согласится с ним переспать и задохнется в его сальных складках?

Тайсон нервно засмеялся, подскочил с дивана, налил себе ледяной воды и залпом осушил стакан. Делая глубокие вдохи, словно пловец перед прыжком, он взял из рук Колина упаковку с двумя оставшимися кусочками амарантовой ерунды и отправил оба себе в рот.

Он чувствовал, как давят лишние килограммы – не меньше двухсот – на позвоночник. Даже держать голову прямо казалось настоящим безумием, не говоря уже о том, чтобы передвигаться на тумбообразных ногах. Он – а точнее, мужчина, чье тело стало его временным пристанищем, – стоял в темной комнате и смотрел на маленькую сухонькую женщину, лежащую в кровати под тонкой простыней. Рот открыт, губы шевелятся, и по щеке сползает слюна. Ресницы чуть подрагивают, но она не просыпается – наверное, видит какой-то сон. Влажные липкие волосы прилипли к лицу и смотрелись теперь черными червями, нороящими проникнуть в ноздри, глотку, глаза, уши. Проникнуть и захватить ослабившее контроль над реальностью тело.

Мужчина тяжело дышал. Ему было трудно стоять, а еще труднее решиться на то, ради чего сейчас сжимал подушку в своих лопатообразных руках.

– Нет, нет, нет! – хотел кричать Тайсон, но, как в кошмарном сне, не мог произнести не слова.

Он пришел в себя, почувствовав, как Колин бьет его по щекам, и только потом услышал крик и сумасшедший собачий лай – если даже Ломоть соизволил выбраться из его кровати, значит, произошло что-то серьезное.

– Что... – дыхание сбивалось. – Что произошло?

– Ты как-то странно захрипел, заскулил... Ломоть, бродяга! Ну ты молодец! Как любит тебя, а?

– Еще бы, – машинально потрепал Тайсон пса по лохматой голове. – Я ж его кормлю.

– Так че там было?

– Он, кажется, хочет убить старуху.

– Старуху?! – заорал Колин, чем вызвал очередную истерику у бедного пса. – Все, все. Молчу.

– Старуха. Она спала, а он... стоял над ней с подушкой в руках. Не знаю... Мне показалось, он хочет ее убить.

– Что за жест. Может, тебе к врачу сходить?

– К какому? – Тайсон застонал, откинулся на диванные подушки и закрыл глаза.

– Ну. К этому. Как его. К психиатру. – Колин глянул на часы и сделал вид, что жутко торопится. – Я пойду. Ты это... Не ешь эту гадость больше. Может... у тебя аллергия?

– Ага, аллергия. Из-за которой я раздуваюсь до двухсот килограмм и начинаю убивать спящих старух.

– А эта старуха... Она... “Оболочка”? – уже в дверях обернулся Колин.

– А черт ее знает. Вали уже.

Ему просто жизненно необходимо остаться одному и подумать.

К утру он вымотал себя до рвоты. Организм отказывался принимать даже крохотную малинку, выворачиваясь наизнанку всякий раз, стоило ему только подумать о еде. Тайсон съел целых три коробки амарантового печенья после того, как ушел Колин, перерыл сотни сайтов и фотографий людей с лишним весом, но ни на йоту не продвинулся к решению загадки, которую загадывал его собственный мозг.

Зазвонил телефон. Все еще прижимая полотенце, перепачканное слюной и рвотой, к губам, молодой человек нажал кнопку “Принять вызов”, потом ткнул “Включить динамик” и растянулся на полу прямо в ванной.

– Ты что, спишь? – “Магнус”.

– Нет. Что случилось? Я вроде сегодня выходной.

– Ты не выходной никогда, когда нужен мне. Запомни уже. Через час у нас презентация.

– Черт, черт, черт! – выругался Тайсон, надеясь, что начальник уже успел отключиться.

Нужно как-то приходить в себя. Набрав номер «скорой», уже через десять минут он встречал двоих мужчин в белых халатах, а еще через двадцать чувствовал себя как новенький.

Серый бесформенный костюм с короткими брюками, белые кеды на босу ногу – он готов и даже рад возможности выйти из дома и переключиться на что-то другое – что-то кроме потенциального убийства той худой старухи и тайны его перемещений в чужие тела.

На тридцать шестом этаже их уже ждали. Неодобрительно покачав головой при виде экстравагантного вида Магнуса Роше, затянутого в узкий костюм в красно-зеленую полоску, помощница мистера Рочестера проводила их в кабинет начальника и аккуратно прикрыла за ними дверь.

Рей Рочестер выглядел внушительно. Несмотря на то, что он давно перемахнул свое тридцатилетие, его глаза ярко блестели, выдавая в нем наличие души. Тайсон впервые видел человека его возраста, не превратившегося в “оболочку”, и не мог оторвать взгляд.

– Великий Маг и его подмастерье. Проходите. Кофе вон там, на столе пирожные. Говорят, вкусные, но я не ем – предпочитаю стареть красиво.

– Все ты врешь, Рей. – Магнус схватил шоколадное пирожное, украшенное толстым слоем карамельного крема, и почти полностью запихал в рот. – Ты никогда не сдохнешь, хотя многих мог бы этим обрадовать.

Мистер Рочестер кинул быстрый взгляд на копошащегося у кофеварки Тайсона и нахмурился.

– Наглеешь, Маг.

– Да ладно. Можешь меня уволить.

– Тебя можно только убить, – засмеялся Рей и, расслабившись, откинулся на высокую кожаную спинку кресла.

Кофе был крепкий и вкусный, а пирожные выглядели свежими и приторно-сладкими, но Тайсон не рискнул их попробовать, все еще сомневаясь в своей способности удержать хоть что-нибудь в желудке. Он не обращал внимания на панибратские разговоры – все знали о дружбе самого главного человека компании и Великого Мага. Оглядывая кабинет, он скользил взглядом по кожаным диванам, панорамным окнам с чуть затемненными стеклами, витиеватым безвкусным лампам, массивному столу, пока не уперся в фотографию Сони Макаровой. Такой красивой, что у него перехватило дыхание.

Словно прочитав его мысли или услышав нервный вздох, Магнус вдруг решил сменить тему:

– Как там Соня?

– Никак, – ледяным тоном ответил Рей Рочестер.

– Хорошо, что живая, – решился внести лепту в разговор Тайсон и тут же осекся под испепеляющим взглядом.

– Живая? Кто-то забрал ее душу. От Сони осталась только “оболочка” и... Она какая угодно теперь, только не живая.

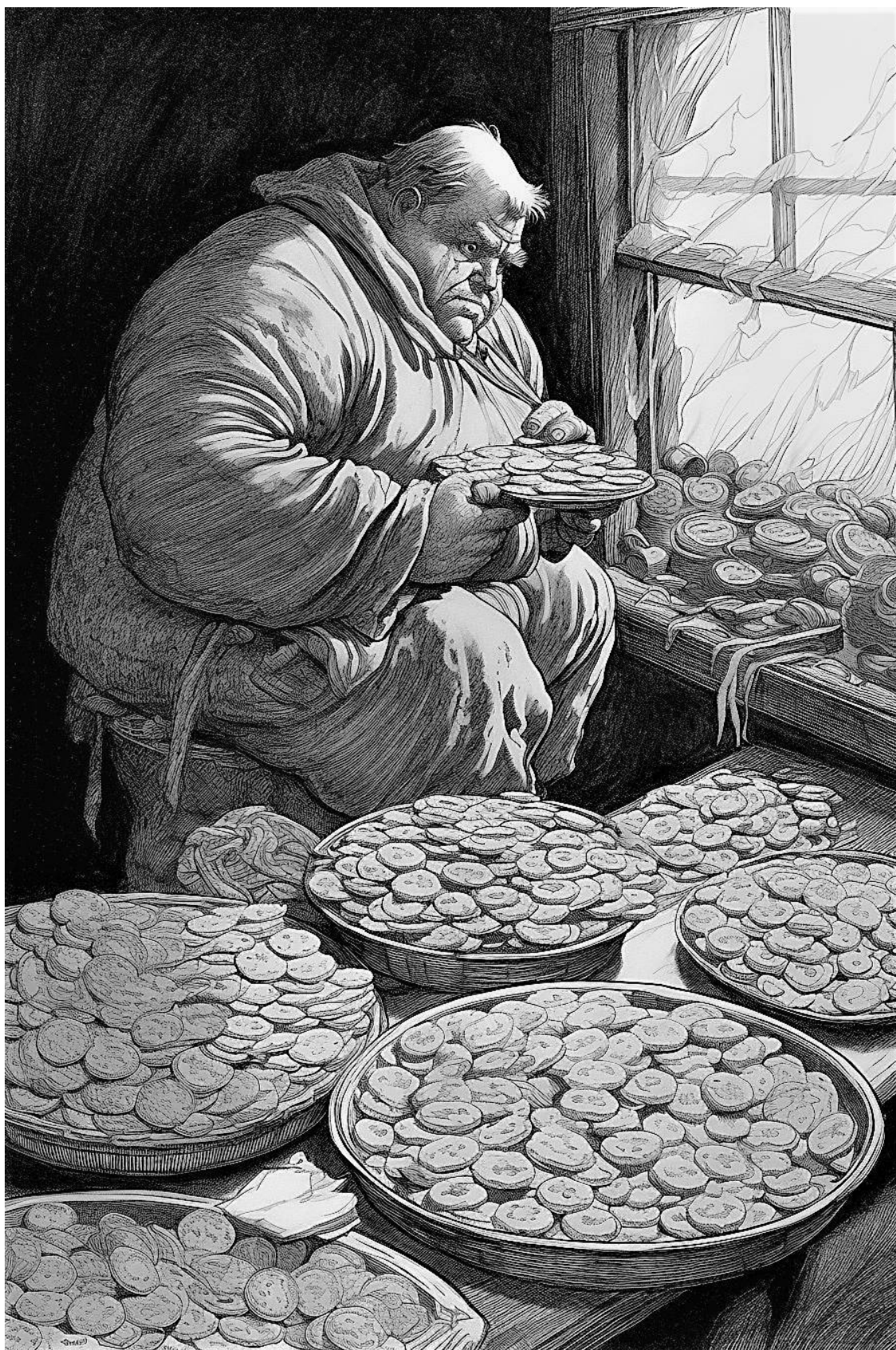
Вернулась так кстати прошедшая тошнота, и Тайсон отставил кружку с недопитым кофе и притих, стараясь казаться меньше, насколько это позволял его внушительный рост и слишком объемный пиджак. Он вдруг подумал во что бы то ни стало пробраться в больницу к Соне и...

Что? Что он хотел там увидеть? Бесцветные помутневшие глаза? Застывшее безразличие на лице?

– Я... Мы хотим навестить ее, если ты не против, – вдруг выпалил Магнус и украдкой посмотрел на своего стажера.

Мистер Рочестер только махнул рукой, и, наконец, разговор перетек в деловое русло. Следующие два часа они обсуждали презентацию, спорили, искали варианты улучшений для разработанной метавселенной.

Но теперь Тайсон не мог думать ни о чем другом, кроме Сони.

Кое-как задернутые шторы пропускали тонкие, словно лазер, лучи солнца, настойчиво пытавшегося прорваться в тесную комнатенку частного дома, стоящего на самой окраине города. За ним уже не было ничего – дорога и бесконечный лес, в котором хозяин дома бегал каждое утро.

Пока еще мог бегать.

По телевизору шло очередное шоу на эрудицию, но тучный мужчина, не отрывавший от экрана глаз, сидел с равнодушным лицом, не поддаваясь ажиотажу, создаваемому толпой массовки, специально приглашенной на съемки, чтобы подогревать интерес. И не потому, что был глуп. А потому что вопросы оказались настолько легкими и тупыми, что ему хватало и секунды понять правильный ответ.

Мужчину звали Коэн Робинс. Он жил в этом доме вот уже двадцать девять лет с матерью, паразитируя на ней, словно какой-нибудь червь, забравшийся в чужой организм и высасывающий последние соки. С женщинами не сложилось, с друзьями – тем более. Какое-то время удавалось поддерживать интерес к работе в крупной компьютерной компании, но и он скоро сошел на нет.

Коэн Робинс считал себя если не высшим разумом, то уж точно одним из касты избранных. А все остальные вокруг годились лишь воспевать дифирамбы его интеллекту.

Пока сыну не исполнилось двадцать, мать еще надеялась, что ей удастся пожить хоть немного для себя, сплавив любимое чадо в один из престижных университетов, боровшихся за столь светлое дарование. Но мальчик предпочел остаться дома и выбрал вуз с дистанционным обучением.

На то были причины. Причины есть всегда.

Часы пробили двенадцать. Ведро попкорна на два литра стояло пустым рядом с диваном, а желудок сжимался от голода. С трудом поднявшись на тумбообразных ногах, к которым никак не мог привыкнуть, Коэн увеличил громкость телевизора и вышел на кухню. Холодильник забит дурацкими овощами и фруктами – из них мать каждое утро готовила отвратительную субстанцию, больше смахивающую на зеленую рвоту, и пыталась запихнуть в сына “полезную” еду. На верхней полке несколько банок с вареньем, чуть ниже – размороженная на завтра сырая баранья нога. В отделении, где обычно лежали сыр, колбаса и его любимые творожные сырки, было пусто.

Шумно выдохнув, Коэн перешел к шкафу – там должно остаться шоколадное печенье с крошкой сублимированной малины, так приятно лопающейся кислым вкусом на языке. Он точно помнил, как сам клал его туда совсем недавно. Может быть, вчера?

Ничего. Чертыхнувшись, мужчина встал на цыпочки и попытался дотянуться до самой верхней полки, где мать хранила амарантовое печенье. Она ела только его, если хотела слегка нарушить диету, которой придерживалась последние лет пятнадцать. Не по своей воле, а по рекомендации врача.

Вот оно. Картонная коробка, а в ней надорванный блестящий пакет. Пошарив внутри пальцами, больше напоминавшими сардельки, Коэн выудил несколько крошащихся комочков теста и отправил себе в рот.

Вкус ему нравился, но сухая, готовая рассыпаться от дуновения малейшего сквозняка структура раздражала. То ли дело его любимое – шоколадное. Оно вязло в зубах, оставляя приятное послевкусие. И еще долго можно было подцеплять застрявшие кусочки языком.

Его взгляд скользнул вверх, и он увидел свое отражение. Из маленького зеркала кухонного шкафа на него смотрела жирная отвратительная морда мужчины с пухлыми кроваво-красными щеками, испещренными прожилками вен, с маленькими, едва видимыми из-под нависших бровей, глазками и влажными губами, усыпанными крошками амарантового печенья. Коэн разглядывал в себя в зеркало, словно видел впервые. Широко открывая рот, он кидал в черную бездну бесформенного тела крошащиеся шарики и начинал перемалывать их короткими зубками, больше подходящими ребенку.

Сейчас, глядя на него, мало кому придет в голову, что этот больше похожий на готового к забою хряка мужчина в прошлом победитель местных соревнований по бегу среди учащихся. Он бегал с самого раннего возраста, подражая отцу – профессиональному бегуну, занимав-

шему призовые места на самых крупных городских соревнованиях и даже иногда выезжающему за рубеж. Но когда отец умер – Коэну тогда только-только исполнилось шестнадцать, – все пошло наперекосяк. Он замкнулся в себе, и девушка, с которой они строили грандиозные планы на совместную жизнь, не стала дожидаться или пытаться вытащить его из этой ямы отчаяния – уехала с каким-то заезжим коммивояжером, наплевав на окончание школы. Это стало еще одним ударом, и Коэн начал есть.

Еда – единственное, что никогда не предаст. Аппетитные, хорошо зажаренные до корочки и покрытые острым соусом куриные ножки не обманывали. Они были именно такими вкусными, как он себе представлял. И чуть кисловатый лимонад из манго и маракуйи, подаваемый бесплатно, если заказать пару килограммов, – тоже.

Хлопнула входная дверь – вернулась мать со смены. После смерти отца она продолжала работать в школе учительницей младших классов и заодно подрабатывала по вечерам в местной забегаловке, где подавали те самые крылышки. Если повезет, она догадалась захватить с собой порцию.

Наспех спрятав коробку печенья обратно – мать не обрадуется, увидев, как он ворует единственное доступное ей лакомство, – Коэн опустил на стул, и тот предательски скрипнул под неподъемной ношей.

– Ма! – закричал он, шаря глазами по столу, усыпанному еще вчерашними крошками и заляпанному следами прогорклого масла из-под рыбных консервов. – Это ты?

На кухню зашла женщина лет пятидесяти с потухшими мутными глазами. Ее лицо не выражало ни усталости после долгого дня, ни радости от встречи с сыном.

– Ты ждал кого-то другого?

Бумажное ведро куриных бедер в остром соусе шмякнулось на стол. А вот стакан с лимонадом она аккуратно поставила рядом.

– Нет. – Коэн разорвал пластиковый пакет, отделяющий его от манящего запаха красного перца, и впился пальцами в горячую липкую массу.

– Ты помнишь, какой сегодня день?

– Кажется, вторник, – неуверенно промычал с набитым ртом мужчина.

– Сегодня первое число. Ты обещал мне. Помнишь?

Аппетит пропал, надкусанная куриная нога полетела обратно в бумажное ведро. Коэн не любил эти разговоры и каждый раз стремился отсрочить тот момент, когда ему придется поддаться на уговоры и решиться убить собственную мать.

Но через пару часов Коэн Робинс стоял в темной комнате и смотрел на маленькую сухонькую женщину, лежащую в кровати под тонкой простыней. Рот открыт, губы шевелятся, и по щеке сползает слюна. Ресницы чуть подрагивают, но она не просыпается – выпила сразу две таблетки снотворного, желая уйти спокойно, во сне. Влажные липкие волосы прилипли к лицу и смотрелись теперь черными червями, норовящими проникнуть в ноздри, глотку, глаза, уши. Проникнуть и захватить ослабившее контроль над реальностью тело.

Он тяжело дышал. Ему было трудно стоять, а еще труднее решиться на то, ради чего сейчас сжимал подушку в своих лопатообразных руках.

Еще секунда – и некогда белая, выстиранная до грязно-серого цвета наволочка коснулась приоткрытых губ, заостренного носа, влажных волос, прилипших к лицу. Надавив что есть сил на подушку, Коэн почувствовал, как из глаз хлынули слезы, и начал мотать головой, стараясь стрясти их с лица.

– Нет, нет, нет, – цедил он сквозь зубы, борясь с внутренними голосами, умоляющими отступить и пойти вниз. Взять недоеденное ведро с острыми куриными ножками и вернуться к телевизору и идиотскому интеллектуальному шоу.

Он уже почти решился на это, когда услышал шаги на лестнице, глухой удар в дверь и звук выстрела.

Грузное тело повалилось на пол, уволасивая за собой подушку, перепачканную слюной. Женщина, лежащая на мокрых от пота простынях, сделала глубокий вдох, стараясь напиться кислородом каждую клеточку уже готового умереть тела. Если бы не две таблетки снотворного, она могла бы проснуться, броситься к телу умирающего сына, прикрыть пульсирующую кровью рану тонкими ладонями – материнские руки способны творить чудеса.

Но она спала. И не видела, как почти двухсоткилограммовое тело выносят из комнаты, аккуратно спускают с лестницы и передают в руки санитаров, перепачканные острым соусом.

Вряд ли убийство могло остаться незамеченным. Тем более если оно совершено таким огромным мужиком, каким был тот жирдяй, ворующий амарантовое печенье. Тайсон просмотрел все новости за последние лет пятьдесят, но ничего не нашел. Зато наткнулся на фотографию убитого при задержании Коэна Робинса.

Снимок нечеткий, явно из семейного архива. Немолодая женщина болезненного вида стояла рядом с грузным детиной, на голову выше и раз в пять толще. Было страшно осознавать, что из ее чрева могло выбраться вот такое чудовище, но еще более пугающей стала мысль о том, что он пытался ее убить. Родной сын. Ради которого она пожертвовала частью своей души в тот день, когда решила завести ребенка.

Сам Тайсон был слишком молод, чтобы понимать в этом хоть что-нибудь, тем более что к своим родителям никогда не испытывал особо теплых чувств. Но пойти на такое...

Вдруг стало интересно, что чувствует мать, отдавшая так много за счастье материнства и столкнувшаяся с жестокой неблагодарностью? Сожалеет о том, что когда-то решила на такое? Или все-таки радости, накопленные в воспоминаниях как снимки в фотоальбоме, перевешивают один, пусть и такой жестокий, поступок?

В конце статьи еще две фотографии. Миссис Робинс, вдова, лишившаяся единственного ребенка, стоит у дома рядом с полицейскими машинами. Правая рука упирается в грудь мужчины в темно-синей форме, левая прикрывает лицо – как раз выносят огромное бездыханное тело, распластанное на носилках. Такое огромное, что еле справляются четверо санитаров. С первого взгляда может показаться, что женщина убита горем: склоненная голова почти касается подбородком груди, глаза прикрыты, губы сжаты. Но если присмотреться, можно увидеть едва заметную ухмылку, спрятавшуюся в уголке губ.

Разболелась голова. Налив чашку крепкого кофе, Тайсон достал упаковку соленых крекеров и начал закидывать их в рот, почти не ощущая вкуса. Надо нормально поесть, но при одной мысли о том, что опять можно провалиться в очередную чужую искалеченную жизнь, сводило желудок и перехватывало горло.

Ну уж нет. В конце концов, люди как-то жили на хлебе и воде. И он может прожить какое-то время на соленых крекерах и крепком черном кофе.

Жертва 3. Похитители душ

Лучи заходящего солнца, выглядывающего из-за соседнего небоскреба, устало отражались в зеркале, бликуя оранжевыми “зайчиками” на тщательно побеленных стенах. Тед Брайс пригладил только сегодня постриженные пепельные волосы, едва закрывающие уши, застегнул

тугой пояс белых брюк, поправил одному ему заметные складки на рубашке и оглянулся в поисках пиджака.

Он редко переодевался дома в рабочую униформу, но в прошлую смену, собираясь впопыхах, вылетел, как был, в белом костюме, оставив аккуратно сложенные джинсы и теплую клетчатую рубашку лежать в шкафчике раздевалки. Везти с собой костюм неудобно, да и дорога занимала всего десять минут – за это время вряд ли он умудрится испачкаться или помяться.

Вход в подземку находился в соседнем доме. Когда-нибудь – совсем скоро – и он заработает достаточно, купит здесь квартиру и не станет маяться больше в единственной комнатенке, представляющей собой и кухню, и гостиную, и спальню, и гостевую, когда приезжал брат и приходилось раскладывать ему надувной матрас прямо посередине и без того скромного пространства.

Выйдя из пахнущего забродившими яблоками подъезда, Тед быстро пересек дорогу и погрузился в мир легкой тихой музыки, изысканных ароматов, позолоченных деталей и живых цветов. Замедлив шаг, он нарочито равнодушно прошел мимо охраны, принимающей его за своего каждый раз, когда он появлялся здесь в белой униформе, и спустился вниз, где можно было сесть на метро, напрямую идущее до бизнес-района.

Уже подходя к знакомому перекрестку, Тед почувствовал, как все внутри сжалось от нарастающей тревоги. Он и рад бы никогда здесь не появляться и прекрасно провел эти пять свободных дней, но не мог позволить себе лишиться хорошо оплачиваемой работы. Тем более что в доме его мечты как раз освободилась квартира, и оставалось совсем чуть-чуть до нужной суммы.

Теду Брайсу недавно исполнилось двадцать. Выходец из простой семьи, он редко имел возможность окунуться в мир богатства и роскоши, но, однажды попав туда, не мог выкинуть из головы. Это случилось сразу после школьного выпускного. Они с друзьями поехали в центр посмотреть, как дорогие частные школы запускают в честь своих учеников фейерверки. Зрелище невероятное, а главное – бесплатное. Там он и познакомился с дочкой какого-то денежного мешка, по счастливой случайности оставившего ей в распоряжение квартиру, предусмотрительно умотав куда-то в командировку. Ее звали то ли Лаура, то ли Лора. Она влюбилась в смазливового блондина как кошка и, не отличаясь ни красотой лица, ни фигурой, не придумала ничего лучше, как попытаться взять его своим положением и деньгами.

Расчет был верный – Тед купился, и уже спустя пятнадцать минут они яростно целовались, лежа на родительской кровати роскошного пентхауса высотки в центре города. А после этой ночи незадачливый кавалер пропал, мучимый желанием стать таким же богатым, как эта глупенькая девчонка, только не тем путем, который открывало влажное и готовое на все место у нее между ног.

Нет, Тед Брайс был слишком гордым для этого.

Знакомая дверь с красным глазом видеокамеры, длинный коридор в неоновых лампах, лестница, пахнущий благовониями зал с зелеными диванами и стойкой бара.

– Привет, – голос раздался откуда-то сбоку – Тед совсем забыл о парне за стойкой администрации и с облегчением обнаружил, что сегодня дежурил его друг, Мэт.

– Привет. Нальешь кофе?

– Оборзел? Сам наливай.

– Мог бы и поухаживать за гостем, – усмехнулся Тед и пошел к новомодной кофеварке. Пожалуй, двойная порция американо с ореховым сиропом вместо сахара будет в самый раз.

– Какой ты гость? – засмеялся Мэт и, посмотрев на часы, разочарованно вздохнул и убрал телефон в сейф. – Как дела? Где пропадал?

– А, – отмахнулся Тед и сделал глоток горячего густого напитка. – Брал пару дней в счет отпуска. Захотел отдохнуть.

– Ты был в ту ночь, когда эту дамочку порезали? – громкий шепот ударил, словно пощечина.

– Чего?

– Да ладно. Был же?

– Ну, был. – Зря он сюда пошел, мог попить кофе в раздевалке. Наплевать на отвратительный вкус.

– И что? Что-то видел?

Тед Брайс мог многое рассказать – и полиции, опрашивающей всех в округе, но не рискуя сунуться в элитное заведение, и мистеру Рочестеру, которого знал каждый в их городе, а уж его бывшую жену и подавно. И Мэту мог рассказать многое.

О том, как нарушил правила и пошел в тот вечер за Соней Макаровой, надеясь, что девушка соизволит заговорить с обычным парнем из прислуги, а может, даже согласится выпить кофе. Его могли уволить, но она однозначно стоила того, чтобы рискнуть.

О том, как поднялся по лестнице, почти вышел на улицу и видел, как черная фигура с капюшоном на голове встретила девушку у выхода, и они вместе ушли куда-то к мусорным бакам. Соня как-то странно шла, ноги на высоких каблуках подкашивались и заплетались, а подол платья волочился по грязному асфальту.

О том, как испугался стать невольным свидетелем ее интрижки с кем-то непозволительным, и сбежал, трусливо захлопнув дверь.

Только на утро, прочитав газеты, Тед понял, что видел того, кто отнял душу у девушки, с которой еще вчера он был не против выпить кофе или даже чего-нибудь покрепче. И было что-то странное в той темной фигуре, но молодой человек гнал от себя любые мысли, боясь выдать себя и нажить неприятности.

– Ты чего завис? – Мэт опять посмотрел на часы, а потом подтолкнул Теда к выходу. – Иди, скоро придет первый гость.

Тед перелил остатки остывающего кофе в бумажный стакан с пластиковой крышкой и вышел в коридор. Его место было у лестницы, прямо рядом с незаметной узкой дверью в раздевалку, где он просиживал все ночи, буквально на несколько минут в час выходя, чтобы встретить очередного гостя.

Очередной оказалась Соня Макарова. Девушка не улыбалась. Ее лицо, всего несколько дней назад дышащее жизнью, сегодня казалось бледной маской – жалкой подделкой с помутневшими глазами. На ней белое струящееся платье с высоким вырезом по левой ноге почти до самых трусиков, туфли на высоких каблуках и легкая накидка, едва прикрывающая плечи.

– Мисс Со... Виолетта, – еле выдавил Тед. – Рад видеть вас.

Она посмотрела на него своими мертвыми глазами и даже не улыбнулась, хотя раньше они могли перекинуться парой фраз. Сейчас же девушка медленно открыла телефон, развернула его экраном к молодому человеку отсканировать QR-код, и, дождавшись зеленого огонька на считывающем устройстве, пошла вперед.

Как только неоновые лампы, включившиеся от ее движения, снова потухли, Тед скользнул за неприметную дверь раздевалки. Его разрывало от желания пойти за ней, сжать пальцами узкие плечи и встряхнуть посильнее, так, чтобы она очнулась и снова стала самой собой. Но если он сделает это – может попрощаться с работой и шикарной квартирой в доме напротив. С позолоченными деталями, живыми цветами, тихой музыкой.

Через полчаса ему позвонили – незапланированный гость к мисс Виолетте. Изнывая от любопытства, Тед подскочил к двери и уже через секунду стоял на посту.

Как раз вовремя – по лестнице, чуть ли не катясь кубарем, спускался Рей Рочестер. Он не видел ничего вокруг и не собирался останавливаться ни на минуту, лишь бы соблюсти формальности. Пролетев мимо, мужчина скрылся в темноте вспыхнувших и тут же погасших ламп.

– Тед, иди помоги Мэту, – очередной неожиданный звонок.

Что-то случилось. Что-то определенно случилось! Чувствуя нарастающую тревогу, Тед побежал к стойке администрации.

– Номер 203, – пробормотал Мэт, испуганно таращась на друга.

– Что там? – шепотом спросил его Тед, но тот только покачал головой.

Она лежала на широкой, не меньше трех метров, кровати, заправленной мягким покрывалом цвета графита. Бледное лицо застыло и казалось гипсовой маской на темном фоне мягкой ткани, но раскинутые в разные стороны руки и ноги едва дрожали, выдавая в девушке крупинки жизни. Мистер Рочестер стоял у черного зеркала, беспрерывно разговаривая с кем-то по телефону. Услышав, как хлопнула входная дверь, он обернулся и уставился на Теда, словно забыл, зачем его позвали. Но уже через пару секунд снова отвернулся, вслушиваясь в настойчивый голос.

– Я понял. Понял. Да, привели. Не знаю. Нормальный. Может, нужна девушка? С чего ты решил... Ладно. Пробуем. – Рей Рочестер отключил телефон, снова пристально взглянул на Теда и кивнул в сторону двери в ту самую комнату с черными зеркалами. – Иди. Туда.

Глаза буравили застывшего от страха молодого человека. Он понял, что его позвали не просто помочь девушке – они хотят забрать часть его души.

Тед предпочитал не знать, чем занимаются в элитном клубе, но не мог вечно притворяться глухим, немым и ненормальным. Так или иначе ходили слухи, хоть и разговоры о выполняемых сотрудниками обязанностях были под запретом. Но разве можно надеяться, что несколько молодых парней и девчонок, собираясь раз в месяц в баре прямо у работы, смогут бесконечно долго молчать?

Их работодатели – похитители душ. Точнее, они подкупали тех, кто не особо стремился сохранить небольшой сгусток энергии, с самого рождения неслышно потрескивающий в центре груди, в районе солнечного сплетения, и за деньги позволял отрезать почти все, оставив лишь крохотные частицы, сохраняющие жизнь. Ходили слухи, что душа может разрастись и снова стать большой. Но это лишь слухи. Этот щедрый дар за еще большие деньги продавался элите города, пытающихся словить кайф, продлить жизнь или наполнить душу какой-нибудь интересной особенностью, характерной чертой, присущей тому, кто отказался от своей. Чаще всего – все вместе.

Почувствовав, как под пиджаком спина покрывается липким потом, Тед не мог двинуться с места. Как бы ни нравилась ему Соня, пожертвовать душой ради нее он оказался не готов. Но что ему оставалось? Можно попробовать убежать, но вряд ли Рей Рочестер оставит его в покое. Сбежать из города и надеяться на то, что про него просто забудут? И что? Всю жизнь скрываться? Бегать? Дрожать от каждого шороха и всматриваться в лица в страхе увидеть кого-то знакомого?

Решение еще не дошло до сознания, а тело уже повиновалось. Тед развернулся и выбежал из комнаты, вперед по коридору, через просторный черный холл в не успевающий освещаться неоновыми лампами коридор прямо к лестнице. Оттуда наверх и в железную дверь. Подальше, подальше, подальше!

Уже на улице, выбежав из подворотни и оглядываясь по сторонам в надежде понять, куда ему бежать, молодой человек вдруг осознал, что за ним никто не бежит. Не было ни криков, ни громких шагов. Не трезвонил его телефон, оттягивающий карман белых брюк.

И тут он почувствовал себя трусом. Самым ничтожным, какой есть в этом паршивом городе. Никто не собирался насильно забирать его душу – добровольцев предостаточно. А он сорвался, зассал, как какая-нибудь сопливая девчонка.

Назад дороги нет. Увидев напротив светящуюся вывеску того самого бара, где они обычно собирались после работы в желании выдохнуть перед законными выходными, Тед еще постоял, глядя на мигающий красный глаз видеокамеры, едва заметный с улицы, и пошел пропустить пару стаканов темного пива.

В зале было темно и шумно. Несмотря на запрет, все помещение утопало в дыму кубинских сигар, но молодому человеку это даже на руку – можно не бояться, что кто-то захочет подойти к нему в этой толпе. Но когда перед ним стояло четыре пустые кружки, Тед услышал хриплый голос. Он даже не понял слов, только почувствовал запах крепкого кофе и чего-то сладкого – рвоты? – изо рта говорящего и обернулся.

Темная фигура, натянутый на глаза капюшон. Если бы он был трезв, то наверняка узнал того, кого видел в темном переулке уходящим вместе с Соней Макаровой к мусорным бакам. И, скорее всего, отказался бы идти куда-то, влекомый обещанием угостить “кое-чем поинтереснее пива”.

Но он не отказался.

Мысли в голове путались. Он редко позволял себе выпить, тем более сразу столько, да еще и на голодный желудок, и сейчас с трудом соображал.

Ему так хотелось забыться, убрать из памяти эти последние дни, что разум молчал, пока они вместе выходили из бара, заворачивали за угол и спускались к полуразрушенному одноэтажному зданию, неизвестно как сохранившемуся в этом районе прямо рядом с бизнес-центром.

И он сам молчал – не удосужился спросить, куда они идут и почему нельзя просто зайти за угол? Ведь там никого не было... Молчал, когда приходилось пригибаться, чтобы пройти под поваленными балками и переступать через чьи-то испражнения и остатки согревающих кого-то костров. Молчал пока не почувствовал укол в плечо, не увидел блеснувшие в свете уличных фонарей щипцы и лезвие на длинной ручке. А потом говорить или кричать стало поздно – царапая пищевод, разрывая ткани в клочья, щипцы проникали все глубже. Резкая, притупленная лекарствами боль, поток крови, хлынувший в желудок, и запах горелой человеческой плоти – его плоти. А потом был только бесконечный свет.

В больнице было светло и тихо. Нечасто эти стены видели нуждающихся в помощи – стоило отдать должное современным технологиям, шагнувшим далеко вперед в диагностике, предупреждении и лечении различных болезней, поражающих несовершенные биологические оболочки, представляющие собой человеческие тела. Тайсон шел медленно, и Магнусу Роше постоянно приходилось останавливаться и ждать незадачливого стажера, спустя несколько дней уговоров решившегося прийти проведать Соню Макарову. Он что-то бормотал про то, что не хочет ее видеть ТАКОЙ. Словно боялся, что вместо красивой девушки на койке, подключенная к аппаратам, будет лежать бесформенная масса. Как жертвы аварий или маньяков.

Но ни аварий, ни маньяков давно не водилось в их городе, поэтому ожидать что-то подобное просто глупо.

– Если ты еще чуть-чуть замедлишься, то время повернется вспять, и ты начнешь молодеть, Тай, – недовольно пробормотал Маг, в очередной раз остановившись в ожидании молодого человека, зависшего у нелепой абстрактной картины, какими были увешаны белые стены больничного коридора.

– А? – нахмурился Тайсон.

Его мысли витали где-то далеко. Он бы и вовсе никогда не решился прийти сюда, если бы не третий необъяснимый случай за последние несколько дней. На этот раз пропал молодой парень, работающий в элитном клубе. Как раз в том, у которого напали на Соню. Если эти два случая связаны – значит, в их городе происходит что-то по-настоящему ужасное. А насколько ужасное – это и хотел выяснить Тайсон, посмотрев в бесцветные глаза Сони Макаровой.

Той, с кем его связывала самая невероятная история, рассказать которую было невозможно даже самому близкому другу.

Они познакомились в виртуальном мире одной из игр. Соня искала новых ощущений, а Тайсон изучал вселенную, собираясь участвовать в предстоящих соревнованиях и выиграть пару миллионов. Он знал ее под ником Сумбурный Карлик в образе омерзительного гоблина в ярко-голубой балетной пачке. Единжды встретившись в одной из миссий, Тайсон и Соня одержали победу над противниками, и совершенно неожиданно для себя молодой человек предложил встретиться отметить, а она – неожиданно для них обоих – согласилась.

Место выбирала девушка. Небольшой ресторан на окраине города, предлагающий своим посетителям уютные, занавешенные плотными шторами кабинки, рассчитанные на компании таких вот стремящихся уединиться знакомых. Тайсон тогда встречался с одной моделькой, видевшей в нем возможность оставить подиум и обзавестись семьей, а он – просто еще один шанс развлечься. Поэтому его не смутил ни ресторан, ни его отдаленность от центра, ни странное предложение уединиться с человеком, которого он даже не знал. Под маской Сумбурного Карлика мог оказаться кто угодно – и красивая девушка, и старый хрыч, ищущий развлечений с молоденькими мальчиками.

Но что-то подсказывало ему, что под этой отвратительной виртуальной рожей кроется кто-то как минимум интересный – уж очень необычные диалоги у них складывались по мере прохождения миссии.

Соня превзошла все его ожидания. Она представилась Виолеттой. Имя очень шло и ее чуть раскосым глазам, тонувшим в полумраке кабинки, и легкомысленному летнему платью с короткими рукавами и пышной юбкой, начинающейся сразу под грудью. Волосы она стянула лентой, от чего смотрелась гораздо младше своего возраста. Тайсон даже испугался и хотел уйти, чтобы его не обвинили в развращении малолетней, хоть и сам чуть-чуть не дотянул до восемнадцатилетия, но потом решил, что ничего плохого не случится, если они просто поговорят, выпьют по чашке кофе и съедят целое блюдо морепродуктов. Одно на двоих.

Он зря беспокоился. Виолетта – Соня – дала понять, что ей давно не восемнадцать, а тащить его в постель она не намерена. Так и получилось. Они ели сырые устрицы, смеясь над уморительным выражением лиц друг друга, пробовали свежевыловленную рыбу, запеченные мидии, ломали толстые ноги колючих крабов в попытке добраться до чуть соленого сочного мяса. Много болтали, стараясь избегать разговоров о реальной жизни, все больше склоняясь к игре.

И расстались, даже ни разу не прикоснувшись друг к другу.

Сумбурный Карлик выходил в сеть еще пару раз, а потом пропал. И Виолетта пропала. Тайсон быстро переключился на очередную пассивку, лишь изредка вспоминая тот вечер, когда думал о том, как найти загадочную девушку, но почему-то каждый раз отказывался от этой мысли, не желая превращать их единственную встречу в пошлый романчик. А потом, спустя несколько месяцев, увидел ее с экранов телевизора в баре, где они с Колином решили пропустить по паре банок пива.

Он узнал ее сразу, хоть выглядела она совсем иначе. Более взрослой, более женственной и от этого до приятной боли в паху желанной. Он не знал ее настоящего имени – телевизор в баре работал беззвучно, а после пары банок пива Тайсон забыл обо всем на свете.

– Клянусь всеми своими метавселенными – я убью тебя, и меня оправдают.

Великий Маг делал вид, что жутко злится, но в глазах прыгали веселые огоньки – уж больно забавно выглядел его стажер с задумчиво открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

Они подошли к стеклянной двери платного отделения “только для своих” без каких-либо опознавательных знаков, Магнус Роше коротко постучал, и, после минутной задержки на пороге, их впустил внутрь шупленький мужчина лет пятидесяти. В нем не было ничего необычного, кроме мутных глаз, выцветших до такой степени, что грязно-белое извитое сосудами вещество в глазницах подозрительно напоминало давно протухшие яичные белки.

Надо уходить, но Тайсон не мог пошевелиться. Последний час он не сводил взгляд с девушки, лежащей на кровати, и на все уговоры Магнуса отвечал одинаково: “Еще пять минут”.

Но эти пять минут не желали заканчиваться.

Она казалась спящей, но, услышав шум у двери, зашевелилась и уставилась на гостей подернутыми дымкой глазами. Ей было далеко до протухших глазниц охранника, но и души в них уже не осталось. Девушка разглядывала посетителей с нескрываемым равнодушием, но Тайсон мог поклясться, что она узнала его.

– Я голодный как черт, – громким шепотом проорал Магнус.

– Иду, иду, – пробормотал молодой человек, подошел к Соне, наклонился к самому уху и что-то прошептал. Он хотел прикоснуться к белой, как зефир, коже, но не смог заставить себя – его первое прикосновение к ней не должно случиться здесь, в этой палате, на виду у разъяренного Мага и клюющего носом на стуле у двери коротышки.

Через десять минут Тайсон и Магнус входили в кафе, стилизованное под книгу популярной когда-то писательницы. Помещение делилось на два зала: один роскошный, отделанный мрамором и позолотой, украшенный живыми цветами и аквариумами с диковинными рыбками, и второй, больше напоминающий военные казармы или тюремные камеры двадцатых годов прошлого столетия, если не считать развешенных по стенам марионеток. Они выбрали столик у длинного, метров пять, аквариума с люминесцентными рыбками и заказали по тарелке сырного супа с большой булкой свежее испеченного хлеба.

– Ну, что думаешь? – отхлебывая горячую густую жижу из позолоченной ложки, спросил Магнус.

– Что? О чем? – нахмурился Тайсон.

– О Соне.

– Ничего. Жалко ее.

– Вы были знакомы? – взгляд впивался в лицо молодого человека, как бульдог впирается в руку зазевавшегося прохожего.

– Нет, с чего ты взял? – пожал плечами Тайсон, как ни в чем не бывало макая пушистый плотный мякиш в сырное блаженство. Он был здесь впервые, и еда поистине впечатляла.

– Показалось, – коротко ответил Магнус. – Надеюсь, ее смогут спасти.

– Спасти?

– Ну, говорят... – Маг оглянулся по сторонам и почти лег на стол, пытаясь говорить прямо в ухо застывшего от удивления молодого человека. – Они пытаются найти душу, которая поможет ей опять стать “святой”.

Густая сырная жижа капала на накрахмаленную скатерть, но Тайсон этого не замечал. В голове образовался неприятный вакуум, высосавший все мысли, оставив его абсолютно пустым.

– Такое... возможно?

– Конечно. Правда, найти трудно. Идеально, если бы у нее нашлись родственники... Братья там, сестры. Но разве сейчас найдешь хоть кого-то, кто отважился бы отдать всю душу за двоих детей? Ищут. Доноров хватает, а подходящей найти не могут.

– Доноров?

Теперь Тайсону казалось, что не только в его черепной коробке воцарился вакуум – реальность сжалась до размеров атома, а потом раздался Большой Взрыв, и все вокруг стало совсем другим. Доноры душ? Это никак не укладывалось в голове.

– Ты как будто вчера родился. Не слышал про такое? – усмехнулся Магнус, разбрызгав капельки супа по и без того испорченной скатерти. – Хотя откуда тебе это знать. Никто не знает. Об этом не принято говорить.

– А зачем ты мне рассказал? – словно во сне, едва ворочая языком, прошептал Тайсон.

– Предпочел бы не знать? Я тоже. Хотя... Это дает некое... преимущество. Теперь ты в курсе, к чему нужно стремиться. Не просто тратить бабки на очередную красивую задницу, а распорядиться ими с умом, когда придет время.

Магнус еще о чем-то говорил, переметнувшись на тему нового проекта и возможности его молодого стажера когда-нибудь самому стать создателем метавселенных. Тайсон слушал вполуха, пытаясь прислушаться к странному, возникшему внезапно, желанию выпить глоток ледяной водки из запотевшей стопки, наподобие тех, из которых они с Колином как-то хлебали текилу, заедая лимоном и занюхивая теплой кожей на тонких шейках хихикающих девчонок, присоединившихся к их столику для продолжения вечера.

– Принесите мне водки. Ледяной. Стопку, – наконец, решился Тайсон, поймав за рукав проходившего мимо официанта с мутными глазами. Тот кивнул и вопросительно посмотрел на Магнуса, но мужчина только качнул головой и ничего не сказал.

Водка обожгла горло и упала в желудок. У Тайсона перехватило дыхание, он зажмурился и сделал глубокий вдох.

Перед глазами всплыли размытые очертания выложенного кафелем бортика бассейна, темно-коричневый поднос с пустой стопкой, графином бесцветной жидкости и пепельницей, полной окурков, на фильтре заляпанных красной губной помадой. Проморгавшись от разбавленной хлоркой воды, он увидел чьи-то волосатые ноги в простых резиновых сланцах и длинных, до колен, купальных шортах бирюзового цвета. Его тело ласкала теплая вода, а на лице отпечатались блики жарящего как сумасшедшее солнца. Опустив взгляд, Тайсон увидел голое женское тело, от которого захватывало дух, и вдруг почувствовал незнакомое раньше возбуждение. Точнее оно было совсем не таким, какое молодой человек испытывал в своем собственном теле.

Снова взгляд вверх, стопка водки. Волосатые ноги куда-то пропали, но не успел Тайсон заметить это, как сзади тело девушки обхватили чьи-то такие же волосатые руки, прижавшись голым животом к спине.

– Тайсон! Тайсон! – голос Магнуса разрывал барабанные перепонки – как вовремя!

Почувствовав, что его сейчас вырвет, Тайсон подорвался и кинулся в туалет, чуть не сбив спешившего на помощь официанта.

Полегчало. Сев прямо на отдраенный до зеркального блеска пол, молодой человек постепенно приходил в себя, пытаясь понять, что это было. Несмотря на возбуждение в роскошном теле незнакомки, он мог поклясться, что девушка не хотела этих прикосновений и даже боялась.

– Ты как? – за дверью кабинки стоял Магнус Роше.

Тайсон с трудом поднялся, чуть не соскользнув рукой в унитаз, и вышел в общую комнату. Ополоснувшись под ледяной водой, он окончательно пришел в себя и даже смог вымучить кривую улыбку, размазавшуюся по все еще бледному лицу.

– Что у нас на десерт? – усмехнувшись, спросил он.

Телефон разрывался от звонков Колина. Тайсон не брал трубку уже несколько дней с их последней встречи, и друг даже пытался как-то раз приехать к нему домой, но, простояв под дверью минут тридцать, ушел ни с чем.

Ломоть положил мохнатую морду на колени, грустными глазами поглядывая на остатки сэндвича с заманчиво пахнущей курицей. Потрепав его по голове, Тайсон вцепился в сэндвич зубами, проигнорировав настойчивый взгляд.

Опять звонок.

– Да, – устало вздохнул Тайсон и откинулся на подушки.

– Живой? – Колин хмыкнул. На заднем фоне слышались знакомые звуки бара.

– Живой.

– А почему не отвечаешь? Хотя бы кивнул.

– Я кивал, – заулыбался Тайсон. Все-таки зря он так. Колин был единственным человеком, способным вытащить его из любой депрессивной ямы, куда он скатывался время от времени.

– Тогда ладно, – серьезным голосом ответил друг и добавил: – Я скоро приеду. Есть разговор.

– Давай.

Телефон полетел к панорамному окну и пропал где-то за кадкой с цветами, чудом не сдохшими за последнюю неделю – окна были плотно занавешены без малейшей возможности пропустить хоть лучик света. Ломоть, опечалившийся из-за сэндвича, кинулся за ним, но уткнувшись мордой в обрызганные чем-то мерзким листья, ощерился и попятился назад.

Колин появился на удивление трезвый, но в компании с бутылкой вина, что на него было мало похоже, учитывая вкусы на спиртное. Покрутив непонятный предмет в руках и не решив, что с ним делать, он оставил бутылку на барной стойке и с чистой совестью завалился на диван.

– Ну? Как твой жирдяй? – пробубнил Колин, закрывая глаза.

– Жирдяй давно сдох. Теперь я вылетаю в тело какой-то девки с огромными сиськами, – вздохнул Тайсон, стараясь сдержать улыбку.

– Полегче! – заржал его друг. – Кто такая?

– Да откуда ж я знаю.

– А жирдяй? – не унимался Колин.

– Я нашел про него информацию в сети. Его убили при попытке задушить мать подушкой. Она вызвала знакомых копов проследить за ним пару дней, типа подозревала что-то такое. Ну они и увидели. То ли камера там была, то ли что. Успели ее спасти. А он того...

– Ты прям сборище трупов. Девочка, теперь жирдяй... А с телкой что?

Тайсон пожал плечами и, желая чем-то занять руки, принялся бороться с бутылкой вина – штопора у него отродясь не было, и приходилось выдумывать.

– И что ты решил? К врачу не ходил, конечно?

– Конечно, – буркнул Тайсон и радостно вскрикнул, когда дурацкая пробка провалилась в темно-красную жидкость, отдающую кислятиной. – Будешь?

Колин вздохнул и помотал головой, а потом подошел к окнам и дернул тяжелые шторы в сторону. В комнату ворвались огни города, отражаясь от стекол и возвращаясь обратно, как свет далеких планет. Посмотрев вниз, он увидел пустые улицы, забытый кем-то прямо на дороге велосипед, мигающую вывеску ночного кафе, торговавшего хот-догами и прочей бесполезной бурдой. Непонятно, как эти забегаловки умудрялись выживать в мире, где даже ребенок понимал, что телу не нужны пустые калории.

Но знать и понимать – не значит выполнять.

– И что будешь делать? – не оборачиваясь, спросил он в пустоту.

Тайсон пожал плечами, не думая о том, что этого никто не увидит, и сделал большой глоток вина прямо из горлышка. Кислятина. Уж лучше опять выпить стопку ледяной водки.

– Сходи к врачу, Тай, – по голосу слышно, что Колин не просто серьезен, а даже встревожен.

– Ты чего? – Тайсон завалился снова на диван и вытянул ноги. – Боишься?

– А ты нет?

– Нет. Переживаю, наверное. Если б я мог что-то сделать... Но все эти люди уже мертвы.

Он и правда не боялся. Азарт, так захвативший его сначала, немного поутих. Плохое самочувствие накатывало волнами от этих прыжков, поэтому хотелось остановиться, вернуться к привычной еде, привычной жизни, привычным виртуальным турнирам, где он вновь мог почувствовать, что хоть чего-то стоит. Хоть на что-то способен.

Реальность душила своей неотвратимостью. Здесь он никто. Здесь он ничего не знает и не понимает.

Не понимает, почему скачет по чужим жизням.

Не знает, как помочь Соне.

И даже не уверен, что на самом деле хочет этого.

– И тебе не интересно, почему это с тобой происходит? – Колин все еще тарашился куда-то в пустоту. – Это же... Какой-то бред. Твой воспаленный от игр мозг шутит шутки.

– При чем тут я? – засмеялся Тайсон, стараясь скрыть нарастающую тревогу. Черт бы побрал этого Колина! Он снова подскочил на ноги, чтобы вернуться к бокалу кислого вина. Но учуяв его запах, передумал и набрал знакомый наизусть номер. – Принесите мне водки. Ледяной.

Странно было осознавать, что это гибкое тело, затянутое упругой бронзовой кожей, давно гниет на кладбище или сожжено до горстки пепла в ближайшем крематории. После еще одной стопки водки Тайсон вернулся в роскошное тело в легком шелковом халате, расположившееся на балконе третьего этажа коттеджа, рядом с которым плескался водой тот самый бассейн. Мужчины – обладателя волосатых ног – нигде не видно, зато у зеленых кустов живой изгороди копошится садовник – молодой парень в простой бежевой робе и длинноносой кепке. Девушка рассматривала его и снова наполнялась желанием. Сначала робкое и смущенное, оно разрасалось, поднималось все выше по животу, заливало грудь, перехватывало горло. Тонкая рука скользила по телу вслед за ним от самых бедер до пульсирующей шеи, пальцами перебирая по чуть воспаленной лучами солнца коже.

Еще секунда, и девушка выбежала с балкона, быстрым шагом подошла к комоду и достала из-под вороха кружевного белья тяжелый холодный пистолет.

Тайсона выкинуло обратно с потоком темно-красной рвоты – недопереваренное вино выходило из растрепанного желудка. Что собиралась сделать женщина? Убить садовника? Волосатого мужчину?

Себя?..

Или что-то услышала и готовилась защищаться?

Голова раскалывалась. Застонав, Тайсон дополз до кровати и завалился прямо в развороченные псом простыни. Прошло всего несколько дней, а знакомая ему жизнь с виртуальными поединками и сменяющейся чередой моделей осталась далеко в прошлом. Он и думать не мог о том, чтобы встретиться с кем-то, вести непринужденные беседы или даже заниматься беспорядочным сексом, отдавая всего себя без остатка и творя с очередной дурехой все, что хочется.

Сейчас не хотелось ничего.

Тяжелая рукоятка пистолета приятно холодила разгоряченную на солнце ладонь. Табита Лири поправила сползший с плеча халат и откинула назад непослушные вьющиеся волосы. Немного болела голова от водки, чуть-чуть ныла воспаленная от загара кожа, но в целом девушка чувствовала себя, как всегда, прекрасно. Она молода, чрезмерно красива, богата. Ее

муж, крупный бизнесмен, владелец многомиллиардной корпорации, практически не бывает дома, но это даже к лучшему – можно проводить время с теми, кто по-настоящему нравится, или с кем приятно изменять просто из вредности. Как, например, с этим садовником.

При мыслях о нем тело содрогнулось от странной смеси отвращения и возбуждения. Он был всего лишь игрушкой, чуть менее ценной, чем новенький ярко-желтый кабриолет под окнами. А его претензии и требования только забавляли.

Но отчего же вдруг так захотелось проверить, заряжен ли верный друг, купленный мужем для самозащиты?

– Табита!

“Чтоб тебя!”. Насколько нужно быть навязчивым и глупым, чтобы не понимать, что с таким поведением он вылетит отсюда, как пробка из бутылки шампанского?

– Карлос, я отдыхаю! Я сама тебя позову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.